

sf_humor
love_sf

Ксюра
Невестина

Седьмая жена колдуна

Скарлетт О'Нейр никогда бы не подумала, что однажды останется наедине со своим аристократическим происхождением. Предательство невестки, проигравшей в казино состояние рода, стало роковым: родители погибли в автокатастрофе, брат повесился, невестка сбежала, оставив Карли разбираться с ростовщиком. И когда вся собственность О'Нейров ушла с молотка, на аукционе вдовствующий молодой герцог Мюррей делает ей предложение. Всё бы хорошо, но, как жена, Карли у него — седьмая.

ru

FictionBook Editor Release 2.6.6
12 June 2019
76FB45BE-ADDE-43B4-AA8D-636094D9A476
1.0

1.0m

Седьмая жена колдуна - Ксюра Невестина

Глава 1

Солнце шпарило немилосердно. Скарлетт О'Нейр (для друзей и родственников просто Карли) сидела на ступеньках родового поместья и смотрела вперед, в даль бесконечного горизонта и тихо вздыхала о нелёгкой Судьбе, о трудностях, выпавших на её долю. После чудовищной автомобильной аварии, унёсшей жизнь её родителей, в которой сама Карли чудом осталась жива, Фортуна отвернулась от неё и взвалила тысячу несчастий. Но обо всём подробней. Первым звоночком стало обещание брата любым способом найти деньги на её лечение. На закономерный вопрос: «Разве род О'Нейр беден?» брат побледнел, посинел, а под конец и вовсе позеленел и признался, что любимая новобрачная жёнушка за

полгода спустила всё его наследство в игорном доме, и родительских денег (включая часть Карли) как раз хватит, чтобы покрыть долги. К моменту предоплаты операции денег молодой граф О'Нейр имел меньше, чем любой зажиточный горожанин. У самой Карли на счету немногим более двухсот пенсов.

Удача в последний раз взмахнула хвостом, позволив Карли оправиться от ранений и снова встать на ноги без операции, а обязательное медицинское страхование покрыло больничные расходы на реабилитацию. За этот подарок спустя два месяца Карли представилась самая паршивая необходимость, с какой только приходилось сталкиваться: она познакомилась с господином Градманом — банкиром, ростовщиком и рэкетиром, давшим сбежавшей невестке денег в долг. Брат, не выдержав его давления, повесился на заднем двореке родового поместья на толстых ветвях раскидистой яблони за сутки до пренеприятного знакомства Карли О'Нейр с господином Градманом. Судя по договорам, заключённым между господином Градманом и непутёвой невесткой, наследство брата и сестры покрыло лишь основную сумму долга, оставив копиться незакрытые проценты. И за те два месяца, которые Карли провела в больнице, проценты выросли, как на дрожжах, и приводили в ужас.

И вот сейчас, спустя неделю после знакомства с этим по всем понятиям опасным человеком, Карли О'Нейр сидела на ступеньках родового поместья, в котором родилась и провела чудные двадцать два года своей жизни, пока дом и остатки личной собственности, включая предметы искусства, уходили с молотка. Беззащитная сирота ничего не могла противопоставить бандиту. Карли это знала, а потому не стала сопротивляться, увидев торчащее дуло пистолета у телохранителя господина Градмана.

Украшения (кроме фамильных ценностей, спрятанных в банковской ячейке) будут проданы ближе к концу аукционной программы, брендовая одежда и обувь с сумками ушли с «дворовой» распродажи в арендованном на сутки кабинете торгового центра. До слуха долетал зычный голос ведущего, объявляющего очередной лот — оригинал полотен то ли Рембрандта, то ли Ван Гога. Любимые итальянские пуфики проданы с час назад некоему господину, имя которого Карли не удосужилась запомнить.

Тихие осторожные шаги испугали Карли и вынудили обернуться. Сначала она увидела высокие чёрные сапоги, затем фиолетовый костюм для конной прогулки и только затем опознала в незваном госте мужчину. Герцог Томас ди Мюррей, наследник побочной королевской ветви, спускался с вершины лестницы к ней. Он был в курсе произошедшего с родом О'Нейр, куда вёл некоторые рабочие дела с его главой, но материально помочь оставшейся круглой сиротой девчонке не мог, боясь навлечь неприятности на свой дом, которых и так выше крыши. — Ваша Светлость, — Карли встала, приветствуя важного гостя, и поклонилась лёгким кивком. — Чем могу быть полезна вам?

Действительно, чем? Если и были какие-то ценные бумаги и договора, то герцог самолично конфисковал их, как только общественности стало известно о трагичной гибели главы рода и его супруги. Что не взял он, то растащили многочисленные дальние родственники, вдруг восплаившие горячей любовью к преждевремененно покинувшему этот мир и слетевшимся на их похороны, как мухи. Только четвероюродный дядя Карли, маркиз эл Бреннан, из жалости оплатил дешёвые похороны скончавшимся и самоубийце. Невестка бежала из страны, не дожидаясь кончины мужа.

— Миледи, — стальной голос герцога умел быть нежным, когда надо, — позвольте предложить вам своё покровительство.

Карли шокировано выдохнула, но не отступила ни на шаг. К этому моменту герцог спустился на ту же ступеньку, на которой стояла она, и всё равно он возвышался над ней на полголовы. Герцог невероятно молод для своих достижений, он блистал талантами на всех светских вечерах и был более приближён к королю, чем оба принца, но в «младенческие» двадцать шесть лет успел заработать репутацию самого ужасного мужа, каких только свет видывал: за четыре года брачных отношений он похоронил шесть жён.

Каждая смерть выглядела либо чудовищной случайностью, либо омерзительнейшим из преступлений, к которому сам герцог ди Мюррей не имел никакого отношения. Первая супруга, герцогиня Тереза, в автомобиле улетела в кювет, не справившись с управлением на льду. Вторая, герцогиня Амалия, скончалась от передозировки алкоголем, забыв об от рождения слабой печени во время переживаний о кончине любимого киноактёра, которого любила до беспамятства.

Третья, герцогиня Виолетта, поскользнулась на влажном полу в аэропорту и выколола себе глаз, нечаянно упав на остриё зонтовой иглы одного из провожающих. Четвёртая, герцогиня Кагарина, до безумия любила прыгать с парашютом и однажды он не раскрылся. Куски её тела собирали по облитым кровью ветвям деревьев в радиусе четырнадцати метров. Невеста, кандидатка на роль пятой жены леди Антуаннета, упала на полотно дребезжащего эскалатора в элитном торговом центре. Застрявшую в прорези между полотном и железным основанием ногу вытащили уже после того, как она истекла кровью и умерла.

Пятая, герцогиня Далинея, умерла просто и без предисловий. Застреленная любовником, которому обещала несметные богатства и не выполнила своего обещания, герцогиня Далинея ди Мюррей была найдена утопленницей и медицинская экспертиза подтвердила, что хранящийся в её чреве плод зачат не мужем, но альфонсом. Достопочтенные СМИ разнесли громкую новость по стране, и к вечеру каждый горожанин и сельский житель знал, что герцог Томас ди Мюррей возможно бесплоден.

Шестая (и последняя на сегодняшний день), герцогиня Мариетта, скончалась тихо и безропотно. Её тело нашли только на четвёртые сутки после смерти, когда в дом пришла домработница. Пол личной спальни герцогини был усыпан пустыми баночками и упаковками от анальгетиков и антидепрессантов. По заверениям патологоанатома в результате продолжительной экспертизы герцогиня Мариетта ди Мюррей четыре месяца выпивала двойную дозу по сравнению с рекомендованной без причин на то и мешала медикаменты со снотворным.

Причастность герцога Томаса ди Мюррея, на тот момент находившегося за границей по делам бизнеса, подтверждена не была.

А сегодня он предлагает Карли покровительство.

Устремив взгляд в синие-синие, как глубины океана, глаза герцога, Карли удержалась от того, чтобы сглотнуть. Кажется, он был настроен серьёзно и решительно, и это пугало. Выжив после аварии «всмятку», последнее что бы ей хотелось — попасть под раздачу смертельно проклятого герцога. С другой стороны, двести шестнадцать пенсов хватит всего на пять буханок свежего хлеба. Этого недостаточно для проживания, пока Карли не найдёт работу. Да и где жить? Дом-то уже продан!

— Миледи... Миледи су О'Нейр. Вам требуется время на обдумывание ответа? Можете дать ответ сейчас, завтра или через год.

Томас ди Мюррей очарователен в своей непревзойдённой манере светской беседы. Бархатные нотки его голоса успокаивали, мягко вынуждали безотчётно верить своему господину и слепо идти за ним на край света. Всё в нём прекрасно: и внешность, и воспитание, и образование.

Второй по рангу титул после короля (первый — принц) и элитная фамильная приставка «ди» кружили голову. Разве можно отказать такому мужчине, пускай и вдовому аж шесть раз?

— Позвольте, Ваша Светлость, — Карли отступила на шаг и сложила руки в замок на животе, как того требуют правила приличия. — Позвольте полюбопытствовать, выполнение каких именно обязанностей мне предстоит в качестве вашей супруги? Я считаю должным знать об этом до того, как соглашусь или отвечу отказом на ваше предложение.

Герцог усмехнулся уголками губ, но более ничем не высказал смешливости. Его глаза всё также холодно смотрели в карие глаза Карли, не позволяя отвести взгляд. От такого пристального внимания у девушки от стресса немели руки и ноги, слабея, вот-вот готовы предать её. Ди Мюррей опасен: как он сам окружён ореолом сущности хищника, так и люди из его опосредованного окружения, жаждущие породниться и откусить кусок богатств ди Мюрреев, не жалея юных дочерей и сестёр.

— Ничего, что могло показаться вам запредельным, миледи, — голос Томаса ди Мюррея лился, как свежий мёд, как патока. — Мужчина моего положения ищет женщину с одной целью...

Секундная заминка пролетела, будто целая вечность прошла, ожидая часа исполнения великого пророчества. Герцог нагнетал атмосферу, завлекая интерес. Мужчина обладал невероятной харизмой и безграничным талантом оратора, способного найти подход к любой, даже самой разношёрстной публике. Сейчас же перед ним лишь один слушатель — неискушённая в политических играх молодая девушка, которая только диплом защитила.

— Понимаю, — кивнула Карли, на мгновение отведя взгляд и, собравшись с силами, вновь дав зрительный отпор. — Вас не пугает, что я осталась бесприданницей? Разве вы не забрали все

документы родителей, Ваша Светлость? Что вас ещё может интересовать? Что есть у рода О'Нейр, что вы так жаждете заполучить?

— Рубиновый комплект, — без обиняков заявил герцог. — Когда-то давно он принадлежал королевской семье, и он должен вернуться к наследнице священной крови. Вы в любом случае передадите его дочери. Мне всего лишь нужно, чтобы ваша дочь была и моей дочерью тоже. В золоте ожерелье, серьги, браслет, парные кольца и диадема, инкрустированные древними кроваво-алыми рубинами, качество которых превосходит все современные аналоги. «Современностью» в таком ключе можно считать последние семьсот лет. Самая главная драгоценность рода су О'Нейр — именно её жаждет получить герцог ди Мюррей. Сдержав порыв злости, Карли учла незавидное положение, в котором на несчастье оказалась и проглотила обиду. Мысленно она сказала самой себе: «Томас Мюррей — такая же муха, слетевшаяся на чужое добро, как родственнички-падальщики».

Великолепный, блистательный план начал потихоньку складываться в её кудрявой голове. Не так сложно втереться в доверие и, поправив до омерзения нищенское положение, сбежать, как невестка, впервые оставив Томаса ди Мюррея не вдовцом, а разведёнкой. Всё складывалось как нельзя более чем удачно, и небольшие запросы к жизни самой Карли, сформированные проживанием в среднестатистическом университетском общежитии, помогут ей поставить реализуемую цель. Только бы проклятье не настигло до того, как она сможет сбежать от него. — Я согласна, — как можно более болезненно сообщила Карли, чтобы герцог ни в коем случае не догадался об её истинных мотивах. Он обокрал её отца и собирается сделать это снова. Она будет для него идеальной жертвой, но и он будет для неё всего лишь ступенькой к возвращению статуса рода. — Но... Ваша Светлость, понимаете... вы достаточно здоровы, чтобы обеспечить мне дочь?

Мужчина дёрнулся, будто получил пощёчину невиданной силы. Скандал, разверзшийся как гигантский пробудившийся вулкан — неожиданно и яростно — ударил по статусу рода ди Мюррей наихудшим образом. По непроверенной информации папарацци, сам король, с которым весьма дружен молодой герцог, снизошёл до выражений глубокой скорби и надежды на лучшее. Страшнейшего удара по чести и мужской гордости аристократа в наши дни не сыскать!

— Миледи... — Томас ди Мюррей чуть замялся, выравнивая изменившийся тон голоса на безразлично-холодный. — Учитывая мою бездетность после четырёх лет брачных отношений, я в профилактическом качестве проходил требуемые исследования. Я более чем здоров. В этом вы можете не сомневаться. А покуда моё слово не столь значимо для вас, миледи, я могу предоставить эпикриз из более чем надёжного госпиталя.

Сильное ощущение обмана не оставляло ни на секунду. Карли освободила из замка руки и на одной интуиции вложила правую руку в протянутую ладонь мужчины. Это было пошло и предосудительно, покуда они одни в безмятежно одиноком плодовоцветочном саду, где им (по заверению старшего поколения) никто не помешает заниматься «грязными» вещами. Пускай на дворе двадцать первый век, но в светских кругах аристократии, где главенствует закон чистоты крови, непорочность считается главной добродетелью высокородной леди.

Только где найти высокородную леди, которая к двадцати годам не избавилась от рудиментарной мужской блажи?

— Ваша Светлость, — Карли обняла второй ладонью руку мужчины с тыльной стороны. — Эту ночь я проведу в поместье. Новые хозяева прибудут только следующим утром, к десяти часам перед полуднем. Далее мне хотелось бы встретиться с вами, чтобы обсудить моё дальнейшее состояние.

— Я пришлю водителя к восьми утра. Пока вы встречаете покупателей, он отвезёт ваши вещи в мой дом и вернётся за вами. Официально, я приглашаю вас на обед в свой дом. Не беспокойтесь, общественность не будет порицать ваш скорый переезд до свадьбы, учитывая случившееся в вашей семье несчастье. Позвольте откланяться. Меня ждут не менее требовательные к вниманию дела.

Когда герцог развернулся и стал подниматься по лестнице в дом, Карли нестерпимо хотелось плюнуть ему в спину. Но она сдержалась, ведь леди не плюются, как верблюды.

Глава 2

Господин Терноби протёр руки влажной антибактериальной салфеткой. Скрывать обсессивно-компульсивное расстройство немолодому лицитатору становилось всё сложнее. Сотни и тысячи пыльных, выдавших виды и лучшие времена вещей проходили через его руки ежемесячно, и сегодняшний день не стал исключением. Девчонку было откровенно жаль: ещё не достигши официально дееспособных двадцати трёх лет, она осталась круглой сиротой без пенса в кармане...

Лицитатор старался думать о чём и о ком угодно, только бы не окружающей его со всех сторон грязи. Она чудилась ему повсюду и сводила с ума. Например, об обанкротившейся сиротке, вынужденной плотно общаться с весьма жутким типом — господином Градманом, знаменитым отсутствием просрочивших платежи должников. Су О`Нейр господин Терноби практически не видел в течение аукциона. Она присутствовала на открытии, а позже скрылась в доме. Несчастливая девочка внешне производила впечатление акулы, а внутри оказалась обычной пустышкой. Господин Терноби вздохнул и новой салфеткой вытер проступившую на лбу испарину. У него у самого дочка пока не достигла официально дееспособного возраста, и чем-то напоминала ему су О`Нейр родную кровиночку. Они обе достаточно высокие с европейским типом внешности, но азиатским цветом волос и глаз. Разве что су О`Нейр не отличалась чернотой волнистых локонов, будучи бледной брюнеткой.

Подобные гены вполне характерны для Маджени, как и для Пангеи в целом. В каких-то странах континента преобладает азиатский тип, в каких-то по-американски европейский. Страна Маджени издавна находится в самом центре континента, а потому включает в себя самые разнообразные народности...

— Господин Терноби! — нетерпеливо окликнула Карли, теперь уже бывшая хозяйка дома. — Есть не проданные лоты?

Старика будто выдернули из-за глухой стены, с глубины океана. Тишина и ненавязчивая атмосфера для размышлений лопнули, как мыльный пузырь с тихим характерным звуком. Перед ним, украдкой сложив руки в замок на животе, стояла леди Скарлетт су О`Нейр, которая полторы недели назад официально заявила о банкротстве графского рода су О`Нейр. Летнее хлопковое платье популярной цветочной расцветки в связи с обстоятельствами выглядело по-нищенски.

— Простите, леди су, задумался. Как мы и планировали, не проданными осталась большая часть предметов искусства отечественных мастеров. Только герцог ди Мюррей выкупил коллекцию книг Дестиона Коллестра и мемуары Тефани Долшег. Томас ди Мюррей известный любитель отечественной литературы. Было бы странно не увидеть его на аукционе.

«Вот только не книжные изыски притянули его к моему дому, — раздражённо подумала Карли, — а фамильные рубины в золоте. Не получит. Ни за что».

— В таком случае оставим покупателям дома, — согласилась Карли.

Внутренне её передёрнуло. Семейка ли Партсин, только-только выбившаяся в низкопробную знать и получившая от действующего короля низший аристократический титул, возгордилась и первая предложила заманчивую цену за поместье настоящей родовитой знати, чей род начинается на рассвете Мадженийского королевства.

— В таком случае, — повторила Карли из-за рассеянности внимания, — пусть рабочие вернут вещи по местам, и все могут быть свободны. Мне ещё нужно решить несколько неотложных проблем.

— До свидания, леди су О`Нейр.

— Прощайте, господин Терноби. Спасибо вам за всё.

Действительно, предстояло о многом подумать и многое решить. Герцог Томас ди Мюррей не за красивые глазки редкого на Пангее синего цвета так люб королю, не глядя на скончавшуюся падчерицу — герцогиню Терезу, первую из жён. По слухам, король не то чтобы любил её, но подарил любимцу за её невероятную красоту и кротость характера. Истинные способности герцога оставались покрытыми тонкой вуалью секретности, взломать замок к которой предстояло в ближайшее время. Иначе род су О`Нейр вымрет.

Когда поместье наконец проводило гостей и с горизонта скрылся алый солнечный диск заката, Карли вошла в опустевший хозяйский дом. Большая часть мебели была продана, все картины и

статуэтки, любимые итальянские пуфики и высокая хрустальная вазочка для одинокой розы ушла с молотка. Вот за вазочку было обиднее всего.

Неровное дыхание гулом отражалось от стен, ветер из открытых окон вольно гулял по коридорам, болезненно подвывая. Сонм голосов разочарованных предков тихо шептал проклятья в адрес живых. Если бы только призраки могли испугать ростовщика! Возможно, Карли могла бы побороться за честь семьи: взять кредит в банке, привлечь на свою сторону директоров и акционеров компании, съеденной и обглоданной дальними родственничками... но стоило реально оценивать свои силы.

Она хотела стать известным журналистом. В экономике она понимает только то, что не позволит себя обмануть в магазине или защититься при покушении мошенника или альфонса. Отстоять бизнес при отсутствии экономических и юридических знаний, предпринимательского таланта, личной мотивации и заинтересованности, и официальной дееспособности — не реализуемая мечта, фантазия, глупость. Если б хоть одна из составляющих наличествовала, но нет.

Мёртвый камин радовал прохладой вековых камней. Зимой они собирают с пламени тепло и хранят намного дольше современных аналогов, а летом — дарят лёгкую свежесть. Неприятный холодок пробегает по поверхности кожи, и Карли накидывает на себя старый толстый плед, некогда принадлежавшей матери её мамы. Всего лишь одна из тех памятных вещей, которая никогда не будет оценена по достоинству.

Для полной идиллии не хватало только гигантской кружки — миллилитров на четыреста — горячего какао. Все слуги разбежались, и винить их не в чем — у всех свои семьи, которые нужно кормить и одевать. А самой вставать из глубокого папиного кресла откровенно лень. Карли ностальгически пробежала взглядом по любимым семейным фотографиям, стоящим в ряд на каминной полочке, и по маминой хрустальной пепельнице...

Детские воспоминания разрывали душу, и рука тянулась за маминой пепельницей. Её практически полный серебряный портсигар охлаждал кожу на бедре, придерживаемый кружевной подвязкой. Только опасения, что герцог учует никотиновый дым и откажется от предложения, останавливали от затяжки. Горло наверняка снова разорвёт болью от кашля, как то произошло после поминок родителей на той неделе. На похороны сходить не удалось, будучи заточённой в собственном чуде оставшемся живым теле.

За окном послышался свист и гул шин. Наверняка ли Партсин никак не может нарадоваться, что теперь будет жить в элитном районе! Но разве это причина, чтобы заявляться в пока ещё чужой дом в одиннадцатом часу ночи? Нет, не причина. Карли недовольно поджала губы, как старушка, блюдущая добрачную невинность взрослой внучки, и встала из кресла. В голове девушки помимо раздражения появилась мысль, что попросить помощи у герцога — единственная возможность не уронить посмертную честь рода. Придётся попросить его выкупить поместье.

— Пусть ему, но только не простолюдину Партсину! — прошипела Карли.

Она была измучена смертями близких людей, предательством невестки и навалившимися долгами, с которыми пришлось разбираться самостоятельно. Она выжила после общения с бандитами, которым отдаёт всё своё состояние, наверняка оплачивая несуществующие проценты. Последнее, что до сих пор не смогли отобрать, — два ювелирных комплекта. Нежно-розовый жемчуг был подарен Карли на «первое совершеннолетие» в шестнадцать лет: серьги, ошейник, толстый браслет и маленькое колечко в белом золоте. Второй комплект — рубины в золоте, которые возжелал герцог. И немудрено, их рыночная цена достигает сорока миллионов пенсов.

Небрежным движением плеч скинув бабушкин плед, Карли подошла к окну, выходящему на сторону парадного входа, и, спрятавшись за тяжёлой портьерой насыщенного зелёного цвета, чуть отодвинула бледно-изумрудную полупрозрачную занавеску. В ночной темноте, в свете единственного тусклого уличного фонаря (остальные отключены ради экономии электричества) виднелся смутно знакомый силуэт автомобиля. Узнавание происходило тяжело и безрадостно и кончилось рухнувшим в тартарары настроением.

— Это не Партсин. Это Градман! — охнула Карли. — Последняя оплата назначена на послеобеденное время. Почему сейчас? Он узнал о жемчуге и рубинах?

Судорожно вспоминая, где мог засветиться жемчужный комплект, Карли смяла в ладони шелестящую занавеску. О существовании рубинового комплекта могли знать только члены

королевской семьи, и король подгадал момент, когда у рубинов осталась только одна наследница, после смерти которой вся движимая и недвижимая собственность перейдёт её мужу — известному в Маджени (а то и во всей Пангее) вдовцу. Но жемчуг? Где? — «Мадженика» — прошипела Карли, чуть не прикусив язык.

Самая популярная «государственная» социальная сеть страны не только принадлежала специальному отделу по контролю информационных технологий и кибер преступлений при короле, но и требовала оплаты ежемесячного налога в восемьдесят пенсов за доступ к интернет-ресурсу. Зато в обмен пользователь получает практически неограниченные возможности для удалённого общения и доступа к общедоступным учебным и художественным материалам. А вот за услуги «онлайн кинотеатр», «скачивание музыки и прослушивание новинок» и подобные приходится доплачивать отдельно.

Автомобиль Карли признала исключительно по внешнему виду вышедших из него мужчин. Их было трое, одетых почти что одинаково. Чёрные межсезонные кроссовки на толстой «непромокаемой» подошве (хоть по битому стеклу ходи), тёмно-синие джинсы (на них что грязь, что трава или кровь — пятна будут практически незаметны), свободные кожаные куртки, и широкие солнцезащитные очки (обычно такие себе покупают водители и лётчики).

Трое телохранителей, лиц которых в темноте было не разглядеть, целенаправленно шли к парадному входу в поместье. Автомобиль подмигнул фарами, и его водитель заглушил двигатель. Мужчины озирались, вглядываясь в жёлтые от искусственного освещения окна гостиной, но спрятавшуюся в складках портьеры Карли видеть не могли. Девушка даже задержала дыхание, понимая, что вот именно сейчас она по-настоящему влипла. Если она отправится в банк за жемчугом, то соглядатай обязательно узнает о рубинах и тогда всё, конец. У неё был план!.. (Хорошо, зачатки плана). И он порушен несвоевременным появлением подчинённых господина Градмана. Герцог тоже хорош! Ни номера сотового не оставил, ни id в «Мадженике»! Ни-че-го. Если бы не рабочая практика в столичном отделении главного новостного портала страны, (в который её устроил отец) то Карли бы давно слилась. Примерно на первом знакомстве с господином Градменом и его пугающими из-за поигрывания оружием телохранителями.

«Нужно спрятаться, — самой себе кивнула Карли и отступила на шаг назад, подставив ладонь и защитив занавески и портьеру от колыхания. — Нужно всего-то продержаться до утра, когда прибудет водитель от герцога. Уж с человеком, настолько приближённым к королю, бандиты связываться не станут».

Не дожидаясь того момента, когда дверь будет взломана, Карли на цыпочках прокралась по незаметной с улицы части гостиной к спуску в подвал. Длинный и мягкий ворс заграничного ковра приглушал её осторожные шаги и ласково гладил ступни. Из фойе со стороны парадной двери не было слышно ни звука, но «благодатная» тишина не обманывала девушку, а, наоборот, пугала. Лишь одна единственная мысль мешала трезво мыслить.

«Чего они ждут?»

Но Карли ждать не собиралась. Спустившись в подвал, Она подпёрла дверь забытой рабочими стремянкой, использованной для подготовки к аукциону. Стремянка высокая, трёхметровая и очень тяжёлая долго не поддавалась. Кажется, Карли даже услышала, как щёлкнул замок на двери, настолько тихо было в доме. Возможно, свою роль сыграло перенапряжение последних недель и страх перед бандитской расправой по их «понятиям», но дело пошло на лад.

Стремянка встала как надо и проход, который она до этого загоразживала, освободился.

Нестерпимо хотелось включить свет: темнота окружала, давила, предвещая все мучения ада. Прозрачные голубо-зелёного оттенка призрачные руки предков тянулись к ней, какофония голосов отдавала болью в мозг, видения объятых невесомым полотном неузнаваемых, одинаковых лиц приводило в панический ужас. Карли застыла и схватилась за голову, падая на колени. Темноты она боялась с шестнадцати лет, и смерть родителей глубокой ночью перед рассветом усугубила болезнь.

Из подвязки выпал мамин серебряный автоматический портсигар. Карли очнулась от звука удара о пол портсигара и схватила его, нажав на кнопку турбинной зажигалки. Пламя взметнулось и слабенько осветило пустой подвальный коридор. Никаких призраков, никого — только Скарлетт су О'Нейр, её разыгравшиеся страхи и трое бандитской наружности и профессии мужчин, которые явились в её дом явно не затем, чтобы просто поговорить. С господином Градманом (как уже была возможность убедиться) ничего не бывает просто.

Вздрогнув от еле слышного шороха за спиной, Карли поспешила вперёд. Из подвала помимо основного входа, было ещё два выхода. Один из них вёл в кухню, и этот коридор использовался прислугой для выполнения ежедневных бытовых дел для поддержания порядка в доме. Имелся также второй коридор, ведущий в домик для прислуги. Тот стоял на небольшом расстоянии от хозяйского дома и никогда не пустовал. Так было раньше — до падения рода су О'Нейр. Именно по второму коридору собиралась пройти Карли. Дверь в него никогда не запиралась и в тёмном коридоре была настолько незаметна, что будто бы сливалась со стеной коридора в монолитное серокаменное полотно. Эта дверь настолько стара, что её сложно открыть, не зная небольшого секрета: как надавить, в какую сторону потянуть, чтобы дверное полотно «встало» и не заело.

К тому же в домике для прислуги подвальный и первый этажи отведены для бытовых целей. Именно там, а не в хозяйском доме или в гостевом затаиться проще. Множество шкафов и шкафчиков, несколько подсобных помещений и «уличных» холодильников, корзин для грязного белья (сейчас пустых), несколько десятков кроватей с одеялами вместо покрывал... мест для «игры в прятки» больше, чем бесконечность.

Шаг. Карли тянет дрожащую руку к толстой каменной ручке, боясь возможного скрипа. Зажигалка во второй руке вдруг потухла и тут же была зажжена вновь. Сглотнув, Карли положила ладонь на холодную ручку и оступилась. Некто дёрнул её назад, зажав рот рукой и придавив к своей груди.

Глава 3

Крик вырвался случайно. Когда тебя похищают в пустом доме, а до дома ближайших соседей порядка двух километров, кричать бесполезно. С тем же успехом можно было кричать, тратя силы, например, в чужом доме после незаконного проникновения ради сенсации-однодневки. Кричать бесполезно и даже опасно с точки зрения энергозатрат. Потеряв несколько секунд на подавление острого приступа паники, чем позволила мужчине за спиной расслабиться, Карли дёрнулась, вывернувшись из захвата, махнула открытым пламенем зажигалки по одежде нападавшего.

Та вспыхнула незамедлительно. Огонь озарил коридор, и страх темноты отступил окончательно. Приглушённый топот двух других мужчин прогремел и отвлёк Карли от созерцания сотворённого зла. Она с кратким визгом «правильно» распахнула старую каменную дверь и захлопнула её за собой. После ещё и опустила засов, поставленный на дверь из-за детских шалостей отца и его малолетних на то время друзей, совавших любопытные носы куда не следовало.

Закрыв глаза, девушка прислонилась к холодному камню двери и перевела дыхание. За стеной — оглушительные яростные крики то ли боли, то ли ругани. Говорят, что причиняемая огнём боль не сопоставима ни с чем, кроме естественного процесса родов, стоящим на втором месте испытываемой агонии и страха. Загорелась только накрахмаленная специальным спреем для ткани рубашка, он отделается ожогом небольшой степени тяжести.

«Нужно бежать. Нельзя останавливаться».

Карли нехотя отлипла от двери, когда её сотряс первый удар такой силы, будто дверь пытались выбить плечом как минимум двое мужчин. Третий тоже мог участвовать: после поджога он должен быть зол, как никогда. В левой руке щёлкнула зажигалка на портсигаре и Карли побежала. Удары ещё долго сыпались на многострадальную дверь, но вскоре, когда Карли поднялась на первый этаж домика для прислуги, она уже не слышала грохота и молилась, чтобы телохранители господина Градмана не знали, куда ведёт тот коридор.

Домик пустовал похуже хозяйского дома. Уходя, слуги забрали с собой всё, что могли, что сами принесли в этот домик. В кухне не осталось ни еды, ни воды (водопроводные краны перекрыты), ни одежды с более удобной обувью, чем сандалии. Не было даже какого-никакого завалящего плащика или куртки, чтобы не замёрзнуть в прохладе летней ночи. Это ещё повезло, что лето. А если бы зима? Бежать оставалось только в лес. Только там у неё будет возможность скрыться от преследования и переждать ночь. Возможно, даже с комфортом, если отыщет деревянный дом на дереве, построенный для брата лет пятнадцать-двадцать назад.

У домика для прислуги тоже был чёрный вход. С гвоздика у двери Карли сняла два ключа (от запасного выхода и от одного из подсобных помещений) и, провернув ключ побольше, стандартного размера, вышла на улицу. Девушка наконец вдохнула свежий ночной воздух полной грудью и, замешкавшись, притворила и заперла за собой дверь. Вскоре зажигалка была потушена и убрана обратно за подвязку на бедре: вдали у подъездной дорожки слабо горел одинокий уличный фонарь, освещая не только автомобиль незваных гостей, но и путь в затравленной душе.

Выстрел! Карли отскочила в сторону и прижалась к стене. Ноги подвели её, не позволяя сойти с места. Звон осколков оконного стекла всё ещё стоял в ушах, страх сковывал движения и разумное течение мысли. Шелестящий свист разбившей окно пули ударил по напряжённым до предела нервам. На фоне тусклого света от фонаря постепенно приобретала очертания высокого мужчины бесполой силуэт. Очки, куртка, джинсы, кроссовки обезличивали мужчину, но белая кепка стрелявшего выделяла его среди «друзей». Этот — не преследователь, а водитель автомобиля.

— А теперь будь хорошей девочкой и выброси зажигалку, пока я не прострелил тебе ногу. Его голос холоден, как у герцога, и чёток. Приказ ясен и досконально логичен, как для тупых: сделай то, иначе будет то. Всё понятно без дополнительной разъяснительной беседы на полтора часа. Карли, взяв себя в руки, отстранилась от стены и, замахнувшись, выбросила ключи. Они упали в некогда ровно скашиваемую траву с тихим звуком. На улице вновь стояла мёртвая тишина, что даже на расстоянии в метров восемь-десять была с лёгкостью услышана усмешка водителя.

— Что вам от меня нужно? — дрожащим голосом спросила Карли. Она не могла позволить, чтобы мужчина знал о её яростном желании сопротивляться. Он должен думать, что она сдалась.

— Ничего личного. Я просто выполняю свою работу.

— Ничего личного, — вздохнула Карли на грани слышимости.

Этого следовало ожидать: вряд ли господин Градман стал бы распространяться, что у неё ещё не всё отобрали и есть кое-что не менее ценное, чем несколько миллионов пенсов, которые не успели сожрать дальние родственнички. Если господину Градману представится такая очаровательная возможность, то он и от них один кусочек откусит, а то и два-три. Карли стоило сразу понять, что ростовщик-бандит от неё не отстанет, даже когда обдерёт до нитки. Он ведь может захотеть продать её в рабство. Говорят, на Безымянном острове в южных водах Пангеи оно официально узаконено.

— Теперь медленно, без резких движений садись на заднее сидение. Автомобиль видишь?

Карли кивнула и не сразу догадалась, что её кивок неразличим в темноте.

— Я поняла, — смиренно подтвердила девушка, планируя побег на людной территории.

Ночь ожидалась «весёлая». Намного веселее, чем окончившаяся поражением попытка побега номер один. Рядом с автомобилем уже находились оставшиеся трое: погорелец топLESS стоял лицом к дверце, положив руку на крышу; второй обматывал его грудь марлевым бинтом; третий сидел на переднем пассажирском сиденье с открытой настежь дверцей, свесив ноги на землю. На прибытие ожидаемой «парочки» отреагировал только первый злобным рыком.

— Как же вы так, парни, мелкую девчонку поймать не смогли? — язвительно бросил водитель, подкалывая «друзей». — А ещё зовут себя профессионалами со стажем.

Загрузившись в небольшой автомобиль, девушка оказалась зажата между двумя массивными дяденьками, из-за которых она не могла даже рукой пошевелить. Раненый злобно зыркал на неё в центральное зеркало заднего вида. С момента, когда автомобиль вырулил на трассу, ведущую в город, не было произнесено ни слова. У Карли страшно чесалось бедро под серебряным портсигаром. Ей невыносимо хотелось закурить, но нежелание выглядеть глупо перед врагом было сильнее.

Именно врагами являлись четверо мужчин, сидящих с ней в одном автомобиле. Никак иначе (разве что только словом бандиты) она назвать их не могла. Разве её подозрения так далеки от истины? Вряд ли! Максимум, что в их облике и поведении может быть списано и считаться достаточно законопослушным — это наличие королевской лицензии на ношение огнестрельного оружия? И было ли оно на самом деле огнестрельным, а не травматическим или сигнальным? Какие ещё существуют виды оружия она не знала.

— Не дёргайся, — хмыкнул водитель. — Девочка не виновата, что жить хочет. Все мы хотим. Сам знал, на какую работу соглашаешься.

— Я хочу закурить. Можно? — пискнула тоненьким голосочком Карли, пытаясь придумать, как, не привлекая ненужного внимания, вытянуть портсигар из-под подвязки. — Огоньку не найдётся?

Никто не запрещал. Парой отточенных движений она залезла под юбку и вытащила портсигар. Чтобы не светить наличием зажигалки, которую якобы выбросила около гостевого домика, попросила о маленькой услуге. Спустя пару мгновений мужчина справа недовольно зашевелился и, приподнявшись, достал из переднего кармана джинс дешёвенькую из прозрачного пластика зажигалку-фонарик с голубым светодиодом. Колесико зажигалки проскакивало под большим пальцем, и пламя появилось только с четвёртой попытки.

«Только бы побег удался не с четвёртой...»

Карли нажала на левый рычажок, и сигарета вышла из портсигара на полтора сантиметра. К моменту, когда затлела сигарета, автомобиль вырулил на городскую дорогу и вскоре должен был въехать на «ночную» его часть, только если у водителя нет других планов на надлежащий маршрут. Карли сдержалась от раздражавшего горло кашля и пыталась не дышать «особенный» запах мамных сигарет, которые она всегда выкуривала в одиночестве.

Сигареты воняли меркаптаном хуже бытового газа. Скунсы так не воняют, как никотин этой марки. Не позволяя слезам отвращения выйти наружу, Карли старалась как можно сильнее разогнать дым по салону автомобиля, в котором не было усиленной вентиляционной системы, как в специально оборудованной курительной комнате в хозяйском доме поместья. Путь к свободе преграждал бандит, давший прикурить, а после мощной газовой атаки ни один из четверых не сможет ориентироваться в пространстве в ближайшие час-два.

Четыре оконных стекла опустились синхронно с взбесившимся мужчиной слева. Он попытался выхватить сигарету и отобрать портсигар, но Карли буйно сопротивлялась и ничего отдавать не хотела. Раненый и тот, который справа, на треть «вывалились» в открытые окна. Один только водитель лыбился, поглядывал в центральное зеркало заднего вида и не отвлекался от ситуации на дороге дольше, чем на полсекунды.

«Жуткий тип».

— Отдай. Живо! — рычал мужчина слева, выворачивая девушке руку.

— У меня слабые нервы! — голосила в ответи Карли. — Я буду кричать!

— Да кто тебя услышит?!

— Ты меня услышишь! Ааааааааааааа!

— Shut up, pleeeeeease! — крикнул «заткнись» и издевательски протянул «пожалуйста»

водителю, и стукнул по убивающему слух клаксону. — Пусти её к окну, я заблокирую двери.

«Английский? Он знает английский? — недоумевала Карли. — На Пангее только переводчики, некоторые бизнесмены и командированные военные знают английский. Даже часто употребляемые слова и ругательства на английском ни у молодёжи, ни у старших не в ходу.

Бизнесменом водитель никак быть не может (только если обанкротившимся должником господина Градмана), переводчиком тем более. А вот военным (бывшим военным, что вероятнее), прошедшим ускоренный языковой курс разговорного английского, — запросто.

«Невозможно!» Всех, получивших профессиональное военное обучение, контролирует специальный королевский комитет по надзору за военнослужащими. Даже ушедших со службы.

Предатели, дезертиры и преступники подлежат безапелляционному расстрелу. Слишком серьёзная система, чтобы терпеть такое попустительство.

«За господином Градманом стоит более влиятельный человек. Господин Градман — просто пешка?!» Понимание пришло само, как и осознание, что она нужна не ростовщику, а его хозяину. Кому-то настолько важному и влиятельному, что он может позволить себе похищение и убийство. Первым на ум пришёл герцог, но он тут же был отмечён в сторону? Зачем? Он ведь уже сделал Карли предложение и даже в лицо сказал, что ему от неё нужно. Любимчик короля не стал бы связываться с бандитами. Не тот уровень. За уличение их связи, герцог ди Мюррей со слишком высокого пьедестала рухнет.

Так и не отдав тлеющей сигареты, Карли, как только щёлкнул дверной затвор, перелезла через колени мужчины справа и с большим удовольствием вытащила голову в окно. Свежий воздух, сильный ветер на большой скорости, полупустые дороги пригорода... Красота- если бы за рулём был кто-нибудь из её университетских друзей. Нужно только выбраться из машины и

безопасно добраться до столицы. Там ей помогут. Обязательно помогут. Стоит только дожидаться, как ядовитый никотин начнёт действовать, стащить у бандитов бумажник и на такси отправится до аэропорта. Сесть на любой рейс — неважно куда и добраться в столицу с пересадкой.

План сработает, если, конечно, у бандитов достаточно денег с собой. Карли украдкой покосилась на водителя: на его правой руке поблёскивало обручальное кольцо. Только за него навскидку можно получить тысяч пять-шесть в любом ломбарде. Ещё из-под футболки торчит цепь (тоже золотая), значит на ней то ли крест, то ли ещё какая-нибудь побрякушка. За такое можно около двадцати тысяч получить в зависимости от фактического веса. Как он и сказал: «сам знал, на какую работу соглашаешься».

Первые признаки отравления в виде кашля прошли. Вторичные только-только начинали проявляться. Сначала незначительно рассеивается внимание, затем теряется контроль над мелкой моторикой и в мозг по нервной системе поступает приказ замедления внешнего времени. То, что началось как небольшое химическое отравление, за двадцать минут доводит до состояния полуторачасового паралича. У Карли уже есть опыт столкновения с этой дурью — последствия никотинового опьянения проявят себя только часов через десять. Раненый, по грудь перевесившийся в окно, отключился.

«Пора!»

Карли выкинула сигарету в лужу, оставшуюся с утреннего ливня, закончившегося почти шестнадцать часов назад, спокойно (будто ничего не замышляет) втянула голову обратно в машину. Два бандита слева жадно глотали чистый воздух, ломились в одно окно. Но и их движения стали замедленными. Водитель держался дольше всех, левой рукой тёр глаза и опасливо снижал скорость. Ждать нельзя! Карли кинулась вперёд между сидениями, толкнула водителя вперёд и легла на него всем весом, попутно схватившись за руль. Водитель, как и предполагалось, вжал педаль газа до упора.

Колёса вывернулись вслед за рулём, автомобиль вылетел на встречную полосу. Женщина за рулём несущегося по встречке авто с бешеными глазами вдарила по клаксону, аварийке и снижала скорость. Не желая, чтобы этот раз автомобильной аварии конец настиг её, Карли снова мотнула руль влево, и автомобиль занесло с полосы в кювет. Кажется, та женщина чуть богу душу не отдала. Автомобиль трясло, бессознательный раненый «прыгал» на кочках, а Карли сражалась за свою жизнь.

Надеясь не вылететь в кювет, она с размаху ткнула голову водителя в клаксон. Громкий звук обжёг уши, зато водитель потерял сознание от удара. Переведя дыхание и дух, Карли сглотнула, заметив на клаксоне кровь из разбитого лба, и потянулась к шее. Тонкие пальчики споро расстегнули застёжку золотой цепочки и вытащили крестик. Через пару мгновений в ладони остались: цепочка, крестик и мужское обручальное кольцо. У виска — дуло пистолета. — Только дёрнись, и я всажу пулю в твои умненькие мозги, — превозмогая боль, водитель улыбнулся.

Глава 4

— А как же я буду в гробу выглядеть с размозженными мозгами? — натуралистично воскликнула Карли, замерев.

— Ты под дурочку не коси. Не косится, — хрипло выдохнул водитель.

Испарина на лбу смешивалась с кровью и стекала вниз по щеке. Температура и водителя, и Карли поднялась из-за неприятных свойств никотинового дыма. Тот, кто потеряет сознание первым, станет проигравшим в противостоянии. У девушки, по случайности и без сталкивавшейся с маминой отравой, шансов больше. По крайней мере, так думала она, выжидая удачный момент для побега. Другие трое похитителей уже находились в долгой и беспробудной отключке часа на два-три.

То ли усталая, то ли бешеная улыбка мужчины пугала. Он будто увидел достойного противника, и Карли не могла предугадать, что он сделает с ней, когда сможет двигаться, как прежде. С таким иммунитетом к ядам — он точно военный! Если бы под рукой был смартфон, она бы сфотографировала его лицо и отправила анонимку на e-mail в комитет по надзору. Или

просто в лс на «мадженике», где официальные аккаунты есть у всех государственных представительств и компаний по продаже чего-либо. Закон.

— Мы ещё сыграем с тобой... в шахматы...

Рука ослабла. Из грубой ладони выпал пистолет, и Карли вдруг заметила, что эти полминуты совсем не дышала. У неё получилось! Не зря в качестве замены занятий по физкультуре выбрала секцию плавания. Выровняв дыхание, она подняла пистолет и села обратно на заднее сиденье. Пистолет занял место под кружевной подвязкой, портсигар и золото — в кармане. Обыскав карманы троих и бардачок, Карли не порадовалась найденному: жалкие две тысячи сто тридцать семь пенсов и талончик на выигранный на двоих обед в ресторане, название которого и смутно знакомо не было.

Талончик, найденный у раненого в портмоне, оставила: ему и так досталось — чего уж последнюю радость отбирать? Карли снова полезла на переднее сиденье и протянула руку к панели на широкой ручке. Подъёмник стёкол нашёлся, а вот кнопка блокирования не сразу. Наконец щелчок блокиратора, и Карли смогла выбраться наружу.

На улице прохладно. Летний ветер продувал слабо, но ощущение не лучше, чем в снег зимой. Подойти за курткой к водителю (как к самому мало накаченному) Карли не посмела, боясь потревожить его чуткое бессознательное состояние. Некоторые случайные собеседники в «мадженике», прошедшие профессиональную военную подготовку, рассказывали, что их учили по трое-четверо суток без сна обходиться и просыпаться от любого шороха. Поэтому курткой поделился тот, кто посмел с ней «драться» за «право обладания» очень «волшебной» сигареткой.

Разжившись кожаной курткой и солнцезащитными тёмными очками, закрывающими верхнюю половину лица, Карли выбралась из кювета практически без потерь. Только ладони чуть содрала и испачкала в земле. Если бы не биогель, то с маникюром можно было попрощаться. Вышагивая вдоль дороги, девушка пыталась поймать такси или наткнуться на какой-нибудь более-менее приличный ломбард. Все проезжавшие мимо такси были заняты, попуток не находилось, как и ломбардов. А ведь стоило поспешить: водитель, который заодно с похитителями, очнётся раньше «друзей».

Наконец остановился чёрный автомобиль, и Карли подумала, что уж лучше бы тот не останавливался. Заднее окно опустилось, открыв лицо того, кого девушка уж точно не хотела видеть — господин Градман собственной персоной. Старость сквозила в его внешности временно-постоянным гостем, от которого не избавиться. Седина волос приобрела не элитарно-белый, а грязно-серый оттенок, усы облезли, а куцая борода напоминала козлиную с изображения звериного облика сатаны.

Попытка побега номер два провалилась. Маленькие голубые глаза господина Градмана смотрели со старческим бесстрашием, будто не он только что сломал идеальный во всех смыслах план. С таким взглядом, как у него сейчас, обычно выгуливают поднадоевшую «болонку», к закидонам которой привык и искать новую нет ни времени, ни сил. Именно такой недалёкой «болонкой» чувствовала себя Карли, стоя перед этим человеком.

— Вы сегодня удивительно одеты, леди су, — как бы невзначай заметил господин Градман и лениво окинул мимолётным взглядом с головы до ног, не переменив расположения головы. — Весьма-весьма.

— Сейчас модно носить свободные вещи, господин Градман, — с натяжкой улыбнулась Карли. — Вы что-то хотели? Вы искали меня? Разве мы не договаривались встретиться завтра в два часа дня?

Градман промолчал. Проведя указательным пальцем сначала по одному усу, потом по второму, он заговорил.

— Вы так одиноко шли... ловили попутку, леди су. Я не мог оставить вас в беде.

Господин Градман никого и никогда не оставляет в «беде»: невестку рода су О'Нейр так хорошо не оставил, что почти весь род вымер из-за одной мелкой, помешанной на азартных играх, дряни. Пока Карли стояла, нахмурившись, и судорожно думала, пытаясь не выйти из себя из-за холодной и расчётливой язвительности ростовщика, его телохранители не спешили выйти из автомобиля и скрутить её по рукам и ногам. Разве они ещё не догадались, что с их «друзьями» что-то случилось? Кое-что плохое случилось.

— Садитесь, — со скукой в бесстрастном тоне голоса отозвался господин Градман. — Мои ребята нашли Тэсс. Думаю, вы хотите узнать о её судьбе, не так ли?

Графиня Тэсс су О'Нейр — мерзавка из простолюдинов, возомнившая о себе слишком много. Когда брат привёл её в дом, никто не был против. Сама Карли приняла новость о помолвке с радостью. Родители только и говорили о том, что в двадцать первом веке не нужно жить пережитками прошлого и требовать от детей выбора «достойного» материально и титулованно супруга. Фанфары, прекрасные песни о любви и через полгода — долги, смерть, преследование и похищение. Наконец, сегодня всё закончится.

— Нашли её? — не поверила своим ушам Карли. — Давно?

— Около четырёх часов назад её доставили в одно тихое местечко. Вам придётся проехать со мной, леди су. Нужно подписать последние договорённости, и разойдёмся.

— Мне останется поместье? — аттракцион невиданной щедрости!

— Леди су, я никогда не беру то, что мне не принадлежит. Теперь, когда Тэсс су О'Нейр готова платить по счетам, вы можете быть свободны. Я даже переплату верну. «Да воздастся безнаказанное!» Слышали нечто подобное ранее?

Не переставая хмуриться, Карли пыталась вспомнить, откуда она знает эту фразу, но ничего не получалось. Вроде бы так говорят в северных регионах Маджени на границе с республиканским Кастлендом, но ничего более точного в памяти не всплывало. Кажется, фраза является одной из заповедей официальной религии Кастленда — морнока, запрещённой на территории королевства. Естественно, что информации не так много. Поэтому Карли кивнула.

— Вот и славно. Садитесь.

Девушка послушалась и вошла в салон; дверца автомобиля автоматически отъехала перед ней. Ощущение беды играло на натянутых нервах, било по истосковавшемуся по отдыху мозгу и отдавало в натруженные ноги. Ладони кололо с тех пор, как она вылезла из кювета. А в мыслях — самые простые раздумья: если господин Градман не лжёт и «неприятности» с долгом позади, то ведь и за «проклятого» герцога ди Мюррея можно не выходить замуж. Только как ему отказать, уже успев дать согласие? Такие, как он, «динамо» не прощают. Опасно занять настолько влиятельного врага.

«Только бы он не поделился брачными планами с королём — тогда точно не отвертеться».

В бежевом салоне на кожаных сиденьях помимо господина Градмана сидело ещё двое мужчин в знакомой «униформе»: в куртках, в джинсах, в кедах. На этот раз её не зажали двое мужчин, хотя пришлось сесть между ними напротив одиноко сидящего на противоположной стороне ростовщика. В минилимузине отечественного производства ему было комфортно не менее, чем в грязном подвале на допросе очередного просрочившего допрос должника.

Господин Градман скучал, пролистывая странички в цифровом планшете от известной интернациональной компьютерной компании на Пангее. В салоне царила мертвенная тишина, не пробивались даже звуки улицы сквозь толстую обшивку комфортабельного автомобиля.

Господин Градман вытянул руку в сторону, потянувшись за гранёным стаканом лимонада со льдом (по слухам, алкоголя он не пил, имея проблемы со здоровьем), и только сделав глоток, протянул девушке планшет.

— Посмотри. Это Тэсс су. Она дорого заплатила за нежелание вернуть долг и ещё заплатит. Она не сможет вернуть всю сумму, поэтому по кассе излишков выходит меньше полумиллиона.

Мой нотариус и бухгалтер должен был просчитать к нынешнему часу точную сумму долга и вариантов его погашения.

Карли кивнула. Её начинало подташнивать от недостойного коверканья личного обращения (нужно либо согласно титулу, либо по фамильной приставке вместе с фамилией, а не без неё).

Ноги чуть ли не отнимались, силы покидали её не только от выстраданное™, но от дыма выкуренного никотина, который мама непонятным (скорее всего преступным) образом доставала контрабандой с Безымянного острова.

Планшет прохладным куском бетона лёг в ладони. Кнопка «плей» отреагировала только со второго раза, но и режим предварительного просмотра изображал ядовито-знакомую рожу. Тэсс, в девичестве Фьюн. Даже фамилия указывает на низкое происхождение — «землекоп», «земледелец». Белокурые прямые волосы, как у нимфы. Густо подведённые чёрной тушью глаза. Узкая чёрная маячка за полторы тысячи пенсов — старые привычки неискоренимы. У Карли за всю жизнь ни разу не было вещи, цена которой меньше десяти тысяч.

Плай.

Плохое качество видео и звука, посторонние шумы не стали причиной непонимания происходящего в кадре. Несколько мужчин-телохранителей, знакомых по первой встрече с

господином Градманом, тащили красавицу-невестку за волосы, поддавая пинков под спину. Волосы взлохмачены, дешёвая неводостойкая тушь растеклась по лицу и даже залила подбородок, так много её было наложено на ресницы и на веки в качестве замены теням. Тэсс дёргалась, пытаясь вырваться, редела, кричала, но её страдания вызывали лишь мстительный отклик в сердце Карли — дрянь получила по заслугам. Именно люди господина Градмана виновны в автокатастрофе два месяца назад, в которой погибли граф и графиня су О'Нейр. Хотели запугать Тэсс. Не запугали. Предупредили, что пора паковать чемоданы и бежать из страны. «Недалеко убежала, мерзавка. Недолго бегала».

— Вы собираетесь продать её? — вдруг спросила Карли. — Иначе откуда взять такие большие деньги на погашение долга?

— Уже продал, — ответил господин Градман, смакуя глоток лимонада. — Женщина она молодая, красивая. Покупатель придёт утром из-за границы. Очень удобно иметь дело с круглыми сиротками без работы, без друзей, без знакомых.

— Хорошо, что у меня жених королевской крови есть, — выдала Карли, пересматривая короткое трёхминутное видео и реально беспокоясь за собственную жизнь.

— Вы выходите замуж? Как интересно. За кого же, если не секрет?

— За мужчину, достойного происхождения для дочери графа су О'Нейра, — пространно ответила девушка и судорожно улыбнулась, не желая показать врагу страх. — За одного друга, с которым отец вёл дела бизнеса. Он только прибыл из столицы, узнав о кончине брата... Нам ещё долго ехать до вашего нотариуса?

Сегодня всё закончится: долг спишут, Тэсс получит по заслугам и семейка ли Партсин останется без её поместья. Его не придётся продавать. Какое облегчение! Обслуживание земли и налогодобложение можно оставить на герцога в качестве приданного и наследства будущему совместному ребёнку. Раз ни одна из шести предыдущих жён не забеременела от него, значит он бесплоден. Развод по факту, как только найдёт достойную любовь. Идеально сложенная картинка.

Автомобиль замедлился, проезжая через контрольный пункт со сломанным шлагбаумом и двойным «лежачим гвардейцем», и через две минуты снова рванул вперёд. Улицу практически не видно в затонированное окно, но слабо различимо строение заброшенного газоперерабатывающего завода. Его закрыли из-за митингов и массового помешательства горожан против токсичного и неэкологичного производства. Государство окончательно раздавило частное предприятие. Теперь оно — пристанище для оставшихся без дома алкоголиков-маргиналов, постоянно сгоняемых гвардейцами в рабочий дом за пределами городской зоны то ли в часе езды, то ли в двух.

Карли отдала планшет и, выходя из автомобиля, попридержала карман с золотом и маминым портсигаром. До сих пор не замеченный пистолет натирал кожу на бедре, напоминая о себе и чуть-чуть, но успокаивая. Пускай она не стрелок, но на расстоянии в несколько метров точно попадёт в цель. Главное, она не безоружна. Она сможет за себя постоять и выжить даже на заброшенном заводе, где больше никому ей помочь.

На пустыре дикий ветер ощущался сильнее, холоднее. Карли поёжилась и натянула манжеты кожаной куртки на кисти рук, защищая их от совсем не легкого ветра. Недостроенное здание газоперерабатывающего завода вгоняло в тоску и в депрессию. Помнится, по новостям, его хозяин, посмеив выступить против правительства и «оттяпать» жирный кусок прибыли, плохо кончил. То ли сам под поезд бросился, то ли ему помогли «доблестные защитники» королевской собственности.

Пока Карли, задумавшись, выпала в прострацию, господин Градман вышел из автомобиля и направился по прямой к главному входу. Не услышав шагов по гравийной дорожке на сталлелебетоне позади (его шаги отдавались режущим слух «звонковым» периодическим гулом), господин Градман остановился и повернулся. За спиной по бокам от Карли встали двое телохранителей, водитель остался в автомобиле и не спешил выходить.

— Леди су, скажите, — вдруг хрипло попросил господин Градман. — Вы сожалеете о произошедшем с Тэсс? Девочке досталось за совершенное преступление больше, чем она может вынести.

— Нисколько, — не задумываясь ответила Карли. — Она получила по заслугам. И получит ещё больше. В рабстве её никто жалеть не будет.

Господин Градман нахмурился; его взгляд маленьких голубых глазок изменился. В них больше не было ни толики снисхождения.

— Вы одна семья. Семья...

Ростовщик кивнул.

Глава 5

Телохранители скрутили Карли, жёстко зафиксировав её руки за спиной, и заставили идти вперёд, глядя под ноги. Возмущения и требования относятся к ней соответственно титулу игнорировались. О морноке — запрещённой в Маджени религии, адептом которой судя по всему являлся господин Градман, Карли знала беспечно мало. Если бы у неё в запасе была бы хоть какая-нибудь информация... она смогла бы сделать хоть что-нибудь.

После долгих переходов по одинаково коричнево-бордовым железным узким коридорам её наконец привели в небольшую комнатку с массивным столом, привязали к стулу бечёвкой и оставили одну. Дело нескольких минут (если повезёт — получаса), пока господин Градман узнает о небольшой аварии на дороге. В связи с этим Карли думала не столько о том, как выбраться из ловушки, сколько о возможности обмануть ростовщика. О чём он говорил, прежде чем её скрутили? О семье?

«Почему он назвал нас с Тэсс одной семьёй? Он ведь знает правду. Разве для морнока официальная бумажка важнее человеческих взаимоотношений и верности?»

Тишайшие шорохи отдавались гулом. В гигантской комнате без окон и без хоть какого-то маломальского источника света Карли чувствовала себя на удивление спокойно. Будто её не обволакивала тьма, будто она ночью в чистом поле лежит с закрытыми глазами. Но не было ни чистого поля, ни звёздного неба над головой. Только запястья натирала жёсткая колючая верёвка. Почему её оставили одну? Чего они ждут? Собираются привести в эту комнату Тэсс? Грохот отодвигаемой двери, надрывные вскрипы и яркий свет из свисающей с потолка древней лампы накаливания размером с полголовы вдруг заполнили гигантскую, как бездонный колодец, комнату. Тэсс шаркала ногами. Снова. Бесит. Её, казавшиеся милыми, маленькие грешки вроде непонимания правил столовых приборов, выбора дресс-код наряда для светского вечера и банального встравания в кулинарный процесс на потеху первоклассному повару, сейчас приводили в состояние крайней ярости.

Она выглядела жалко. Даже не так: она выглядела омерзительно, согласно своему статусу. Всего сто пятьдесят лет тому назад женщин, намеренно ставших причиной смерти мужа или родителей мужа, избивали железными палками, предварительно закатав в толстый ковёр. Простолодины использовали кто что мог. И сейчас, глядя на эту дрянь, сотворившую такое с её семьёй, Карли впервые согласилась с жестокими патриархальными заветами предков.

— Скарлетт?... — подняв глаза, прошептала Тэсс. — Ты пришла мне... помочь?

Чёрные из-за потёкшей туши слёзы скатывались по бледным щекам. Незнакомо исхудалое лицо той, что совсем недавно блистала юной красотой, вызывало отвращение. Карли не ответила.

Она взглянула в лицо мужчины, зашедшего в комнату вместе с Тэсс, и потеряла дар речи: именно он кинул гранату в открытое окно папиного автомобиля! Оскал на пол лица, сколотый передний левый резец, небольшой шрамик на левой щеке от ножевого ранения или неудачного бритья. Кажется, он тоже ждал ответ на заданный вопрос.

— Я пришла закрыть долг. Нотариус придёт сюда или это место — комната ожидания?

Под конец стоило не терять самообладания. Господин Градман взбесился, когда речь пошла о непощении предательства. Может, здесь установлена скрытая камера? Может, нужно напоследок «раскаяться» и признать, что прошлое не вернуть? Признать вслух, чисто ради потехи господина Градмана. Ему должно понравится такое выступление, если такова воля его религиозного учения. Карли плевать, кто и во что верит. Хоть в Ктулху, хоть в Лохнесское чудовище или в американского президента, только бы эта вера не влияла на её жизнь. Вера господина Градмана могла стоить её жизни.

— Ожидайте.

Безжизненный голос убийцы её родителей и несостоявшийся её самой заставил вздрогнуть, будто из ведра холодной водой окатили. Приковав измученную Тэсс к ножке стола,

телохранитель ушёл, задвинув за собой гремящую, как тяжёлые цепи, дверь. Карли подняла голову, разминая затёкшую шею, и осмотрелась вокруг. Яркий свет лампы на три-четыре сотни ватт бил по глазам, не позволяя оценить обстановку сверху. Как она и предполагала, её закрыли не то что в пустой комнате, скорее в пустом цеховом помещении, которое не успели загрузить оборудованием до смерти владельца.

— Ска-а-арлет... — икая, прохныкала Тэсс. — Что ты будешь делать?

Карли не хотелось спасать Тэсс. Ей хотелось волшебным образом освободить руки, достать из подвязки пистолет и пристрелить дрянь, разрушившую её семью. Уничтожившую её семью! Но сделать она не могла ничего из задуманного. Сердце и разум разрывались, не понимая «кто виноват?» Игроманка Тэсс или вон тот телохранитель, который её привёл. Который выдернул чеку из той роковой гранаты и бросил в открытое окно автомобиля отца?

Никотиновый яд брал своё: со лба текли ручейки пота, тело пробивали периодические судороги, сердце несло как угорелое, рискуя не выдержать и разорваться. Очертания стола перед глазами расплывались, как после закапывания на приёме у окулиста. Лицо Тэсс слилось в одно чернильное пятно без глаз, рта и с не очевидными очертаниями змеиного носа. Как у призраков предков в еженедельных кошмарах, совсем недавно ставших еженощными.

— Что они хотят со мной сделать, Скаа-рлет?.. — проревела Тэсс. — Я же ни в чём не виновата.

— Ты должна была рассказать семье до того, как стало слишком поздно.

Слова успокоения дались Карли намного тяжелее, чем предполагалось. Разве сложно соврать, чтобы выжить? Оказалось, говорить приятные вещи, слова подбадривания ей (именно ей) невыносимо. В глотке тут же образовался комок, на вкус как протухшие экскременты и кошачья моча на обоссанных элегантных портьерах. Поэтому в их доме никогда не было кошек — мать не выносила ни шерсти, ни запаха домашних животных.

— Рассказать? — шмыгнула носом Тэсс. — Как я могла?

«Как? Конечно, ты думала что брат сам расплатится по твоим счетам. Даже сейчас ты говоришь, что они с тобой сделают и как тебе выбираться отсюда, а не нам. И что я должна что-то делать, а не ты. Ты даже вины своей не признаёшь».

— Да. Игромания лечится, Тэсс. Семья бы не оставила тебя погибать. Но ты погубила всех. Ты понимаешь? Понимаешь это? Если бы ты пришла к нам, а не к господину Градману, всё бы не закончилось так плачевно. Родители, брат... они были бы живы.

— Да плевать мне на твоих родителей и брата! Я жить хочу! Понимаешь, я! Я! Я! Я —

настоящая графиня, а ты — жалкое отродье. Бесприданница. Как только выберусь отсюда, заберу деньги и уеду в Америку. Открою свой магазин. А ты! Ты просто сгниёшь в своей родной Маджени на могилке приبلудков. Поняла меня, да? Ты большего не стоишь!

В сериалах в такие моменты ни с того ни с сего бьёт молния и проносится раскат грома. Карли не хватало слов, чтобы выместить взорвавшуюся гневом затаённую злобу. Руки чесались придушить тварь, которая даже на грани жизни и смерти не в состоянии признать свою вину. Господин Градман точно следит за ними через скрытую камеру. Иначе зачем ещё оставлять их наедине для частного разговора?

«Держись, Скарлетт, держись! — убеждала саму себя девушка. — Если выживу, прах этой дряни развею над городской свалкой».

— Господин Градман продал тебя в рабство иноземцу, — тихо, мстительно сообщила Карли, когда очнулась от накотившей ярости. — Так ты отдала свой долг, пускай мне тоже пришлось немного доплатить. Сейчас бухгалтер господина Градмана просчитывает, сколько должен вернуть мне переплаты. И... спасибо. Спасибо, что сказала о деньгах. Это ведь моя часть наследства? Я найду их и потрачу на обслуживание поместья, пока не решу материальные неприятности.

— Ты лжёшь! Мелкая! Меркантильная! Тварь! Я тебя насквозь вижу!

С каждым истощным криком Тэсс наручники на её запястьях звякали от ударов о железные ножки стола, к которому она была пристёгнута. Всклоченные светлые волосы, местами в колтунах и земле, чёрное от туши лицо с красными заплаканными глазами придавали её облику очертания славянской ведьмы Бабы Яги, кормящейся мясом и варящей славянские супы на костях «добрых молодцев». Что это за зверь такой «добр молодич» в университете так и не объяснили, пожелав найти ответ самостоятельно. Какой нормальный современный студент будет что-то искать сам, если то не нужно для экзамена?

— Это... — Карли судорожно подбирала слова, чтобы не было «дыры» в поучительном разговоре и ошибке в тематике поучения. — Это будет тебе уроком. Ты хоть немного раскаиваешься в содеянном. Ты разрушила нашу семью. Семья... это...

— Плевать! — хихикнула Тэсс, как конченная истеричка. — О какой семье ты говоришь? Об О'Нейрах? О дойной корове? Твой братец такой тупой. Тупое свиное рыло. Ты бы только знала, насколько омерзительно было просто находиться рядом с ним. Просто в одной комнате! Этот его пищаний голосок. Наманикюренные ручки. Фу! Гадость.

Карли сглотнула. Тэсс будто нарочно выводила её из себя. А вдруг? Вдруг Градман обещал ей свободу, если она не пройдёт проверку? Брат ведь не был толстым, но аккуратным и вежливым в обществе. Всегда носил только чистые вещи и самостоятельно стирал нижнее бельё, стесняясь отдавать прачке. Да, он ходил в маникюрный салон, потому что подстричь ногти ровно у самого руки не из того места растут. Разве это преступление? Разве это феминность желать выглядеть опрятно, а не как бездомный маргинал?

Когда уже не ярость, а гнев застилает глаза, вести себя адекватно невозможно. Карли опустила голову, уткнувшись подбородком в ключицы, закрыла глаза. Она вспоминала, какой милой феей пришла в их дом замарашка Тэсс. В белом хлопковом платьице с большими синими цветами, обвешанная бижутерией, как праздничный катун в новогоднюю ночь. Теперь белохвойный катун наряжать некому: сама Карли, как и её мать, навешивать стеклянные игрушки на ветви не любила, в отличие от отца и брата.

Они любили. Помимо катуна, их объединяла маленькая плотницкая мастерская, в которой они и поделки выпиливали на благотворительные нужды (как сказала мама, от залежей нужно избавляться), и склеивали из спичек славянские «терема», и создавали модели самолётов. Отца с братом объединяло многое. Теперь, вспоминая об этом после их смерти, становилось... грустно? больно? или радостно, что они были в её жизни именно такими?

— Чего замолчала. Поговори со мной! — крикнула Тэсс.

— Как долго ты уже здесь? Всего несколько часов?

— Два дня. Может, больше, — голос Тэсс звучал тихо, надрывно, с хрипотцой и перемежался с сумасшедшим смехом. — Может, меньше. Я не знаю!.. Ю! Ю! Ююююю...

«Кажется, она тронулась умом».

Нотки жалости впились в душу неосознанно. Карли пыталась изгнать их, как демонов, из своего сердца, но не выходило. Она с отвращением смотрела на Тэсс и всё ярче осознавала, что та безнадежно психически больна. Разве не отвратительно яростно ненавидеть тех, кто не может нести ответственности за свои деяния? Можно ли винить в преступлении недееспособного? Входит ли в эту группу «невинных провинностей» игромания и убитые ее последствиями люди?

«Нет! Не может такого быть».

Карли помогала головой, отгоняя ненужные мысли. Она, как и любой другой человек, с определённой периодичностью посещала больницы и ни раз, и ни два сталкивалась с теми, кому помочь может только гуманная эвтаназия. На Тэсс, наверное, укольчик уже приготовили и «мягкое» местечко на том свете. Та, кто собрал в себе пороки всех семи смертных грехов, достойна получить особое расположение в аду.

«В руках Эша она не протянет и трёх минут».

— Ууу... у... у... Даби-даби-ду. Скуби-дуби-дуууу!..

«Точно тронулась. Или притворяется? Точно притворяется! Переигрывает».

С острой болью выворачивая руки, Карли освобождается от верёвки. Мутный взгляд Тэсс резко проясняется, она жалостливо подбирается к родственнице и скулит, как брошенный в сугроб щенок в дырявой коробке. Будто сможет снова обдурить. Но второй раз Карли не попадётся в ту же ловушку и не станет рисковать собой ради этой... на которую даже слов у филолога не находится. Про ругательность этих слов речи не идёт.

Разминая саднящие, красные от притока крови запястья, Карли смотрела на потрёпанного «щенка» и думала, что «такого» больше к себе в дом не возьмёт. И сама «такой» не станет. Мир перед глазами рухнул. Ещё вчера она с надеждой смотрела в будущее, надеясь что вот-вот разберётся с господином Градманом. Она искала хоть какие-нибудь плюсы: ей не придётся отчитываться перед семьёй и искать богатого мужа. Достойного, а не как Тэсс. И чем кончилась истинная искренняя любовь брата?

«К чёрту! Выйду за герцога. Сколочу карьеру в журналистике. Детей нарожаю, чтобы муж и общественность не трещали. И лезть к его любовницам не стану, если они не полезут ко мне. Никого. Больше никого не подпущу к себе настолько близко, чтобы мог разрушить мою жизнь!»

Карли встала на ноги и подпрыгнула пару раз, проверяя работоспособность ног. Золотые цепочка, крестик и кольцо, серебряный портсигар всё ещё лежали в кармане, не потерялись. Забыть о пистолете невозможно в принципе. Немного размяв затёкшие мышцы, девушка присела около Тэсс, взяла в ладонь наручники, осматривая замок на них. Не стоило забывать, что господин Градман не подремать приехал на заброшенный завод по переработке бытового газа.

— Я посмотрю, чем можно помочь. Постараюсь найти какой-нибудь лом.

«Может, эта ненормальная как живой щит сгодится. Хотя бы мне жизнь спасёт. Передо мной долг оплатит».

Глава 6

— Не уходи. Не оставляй меня одну, Карли... Милая Карли!

Оставив за спиной молящую о спасении Тэсс, девушка ухватила за большущую ручку ржавой медной двери. Та не хотела поддаваться и отъезжать в сторону. «Сюда бы мужчину», — подумала Карли и осеклась. Не хватало ещё, чтобы сюда действительно кто-то пришёл. Тогда сбежать точно не получится. Зря она, наверное, так легко согласилась ехать в неизвестном направлении. Встретились бы с господином Градманом завтра, как планировали. Не было бы тогда всего этого цирка, только если бы её не затолкали в автомобиль силой. Тогда было бы ещё хуже.

Наконец, со страшным скрипом дверь отъехала в сторону. Карли подняла голову и остолбенела. Оскал маньяка на лице мужчины с гранатой, крупнокалиберная пушка впритык к её лбу и выстрел. Последнее, что почувствовала Карли перед смертью, это как пулей разорвало мозг надвое, и та застряла где-то в затылочной кости. Девушка рухнула, как сломанная кукла, к ногам убийцы своей семьи. Крови почти не было; её и не видно на грязном коричневом полу. Тэсс кричала долго и надрывно; мужчина не спешил поднимать пистолет на неё и сел на стул со спущенной по спинке верёвкой. Когда Тэсс наконец заткнулась, всё ещё в панике поглядывая на лежащее мёртвое и бездыханное тело Карли, когда в помещение вошёл господин Градман. Он, увидев труп, поцокал, перешагнул через него и отчитал вальяжно развалившегося на стуле подчинённого. Девчонка нужна была ему живой и (лучше всего) невредимой.

«Эшу это не понравится».

— Ты зачем её убил? — невзначай бросил господин Градман, не тая злобы. — Развлекался бы с блондинкой. Ко второй зачем полез?

— А разве вашему боссу не блондинка нужна? Вы же её продали? — беззастенчиво просил мужчина у старика-наставника. — Я её и не трогал.

— Тупица, — цокнул господин Градман. — Алюю оставить в живых, а блондинку продать. Что неясного-то? Что взять с безмозглого человечешки? — махнул он рукой.

Мужчина с пистолетом возмутился. Господин Градман повернулся к нему спиной, вернулся к телу Карли и пнул под рёбра, проговаривая священные слова морнока. Девушка не реагировала, сколько бы ударов не получила. Ростовщик согнал ученика со стула и вперился взглядом в неподвижно лежащее на полу тело с дырой во лбу. В его голове никак не укладывалось, в какой момент всё пошло наперекосяк и стоило ли вообще рассказывать мальчишке про Эша?

— Кто бы мог подумать, Алая, что твоя жизнь настолько недолговечна? — печально вздохнул господин Градман и посмотрел на наручные часы. Снова вздохнул. — Приведи эту курицу в порядок. Через полтора часа должен приехать представитель покупателя.

— А что с трупом делать?

— А ничего не делать. Оставь пока так. На рассвете приберём мусор.

Господин Градман вышел из цехового помещения молча. Мужчина, просвистев назойливый мотивчик из какой-то рекламы (кажется, зубной пасты), встал, расстегнул наручники на запястьях Тэсс и за волосы потянул её в душевые, построенные для рабочих. Тэсс крутилась,

извивалась в его руках, но освободиться не могла. Дотянуться до пистолета, закреплённого в кобуре на поясе, тоже не получалось. Он прекращал все её попытки. Она не хотела кончить, как Карли. Тэсс хотела жить. Тэсс отчаянно хотела жить чего бы это ей не стоило.

Тело дёрнулось. Ещё были слышны завывания Тэсс, когда стали мелко подрагивать пальцы с содранным защитным глянцевым слоем шеллака — классического френча.

Болезненные пульсации в голове напоминали боли, предвещающие нервный срыв. Такое уже было однажды: «разрывающаяся на кусочки» голова, ломота в теле, испещрённом мелкими царапинами... нет, такое было дважды. Во второй раз пару месяцев назад при пробуждении по дороге в больницу после автомобильной аварии из-за брошенной в окно гранаты. И в первый — пять лет назад, когда...

Тьма отступала, а зрение постепенно возвращалось. Слух воскрес ещё раньше: тихое шипение бытового газа по трубам отдавалось во много-много раз громче, чем в реальности. Карли села, дрожа. Её колотило, нос и губы окрасились кровью, вытекшей из дыры во лбу. Не веря происходящему, девушка неуверенно подняла правую руку к лицу и прикоснулась указательным пальцем к месту разрыва кожи. Раны не было, только немного сгустившейся крови.

— Я жива, — на грани слышимости прошептала Карли. — Невероятно. Не может быть. Такое происходит только в фантастических фильмах. Я стала зомби? Или меня укусил вампир?! Рука судорожно дёрнулась к шее, но ничего «вампирического» на ощупь не обнаружила. Никакой жажды ни к крови, ни к поеданию мозгов не ощущалось. Ничего необычного или особенного кроме наркотического отката, проявившегося особенно сильно в «размозженных» мозгах. Может, ей только привиделись Тэсс и убийца её родителей? Да и сама незапланированная встреча с господином Градманом может оказаться всего лишь плодом опьянённого воображения.

— С ума сойти можно... При первой же возможности вернусь в столицу! Там профессор. Там друзья.

Там ни господина Градмана, ни «проклятого вдовца» — никого из новоприобретённого прошлого. Карли встала на ноги и, пошатываясь, дошла до стула и плюхнулась на него. Превозмогая агонию, которую доставляла малейшая попытка мыслительного процесса, Карли думала и не могла найти иного выхода, кроме как бежать. Деньги в виде золота на продажу у неё имелись — избавиться от краденного в ближайшем ломбарде и купить билет на самолёт. Если она хорошо помнит расписание рейсов, то они ежедневные и вылетают три раза в сутки: в семь часов двадцать минут, в четырнадцать часов сорок минут и в двадцать один час ровно. Если постараться и ехать на такси, то можно успеть на утренний рейс. Тогда не придётся скрываться в мужском туалете (уж люди господина Градмана додумаются искать её в аэропорту). А главное, в её отсутствие ли Парсины не смогут купить родовое поместье. Какое бы чудо не спасло её во второй раз (в первый — авария, в которой погибли родители), использовать третий шанс (если такой имелся) Карли не собиралась. Сейчас важно выжить и выжить любой ценой. Этого у Тэсс не отнимешь: она всегда знала, когда нужно надавить на жалость, а когда можно и промолчать, потупив нежный несчастный взор. Ей не поверят ни убийца с гранатой, ни сам умудрённый опытом господин Градман.

«Нужно бежать. Сейчас!»

Отсутствие Тэсс было списано на галлюцинацию. А где, как не в этом помещении, прикованной к ножке стола, держать пленницу? Если Тэсс продадут за границу, то ей же, Карли, лучше: можно будет не «заботиться» о её будущем и не питать мысли о мести, смакованием подробностей физической расправы. Больше зло само способно покарать меньшее зло. Главное с большим не сцепиться.

Не желая повторять ошибок, Карли вынула пистолет и сняла его с предохранителя, мимолётно подумав, что забыла проверить это там, в канаве. А если бы ей ногу прострелило неудачным падением? Задеть курок так легко! Или чудо бы вновь пришло на помощь? Приготовившись к ещё одной неожиданной встрече с тем мерзавцем (то бишь сняв пистолет с предохранителя и направив его дуло в потолок), Карли вышла в приоткрытую бронированную дверь.

«Больше никогда не буду смотреть триллеры и фильмы ужасов».

Шаги девушки глухо отдавались, вылетая еле слышным эхом из арочных проёмов между коридорами. Когда Карли тащили внутрь, ей казалось что шли они совсем недолго. Сейчас же она плутала, бесконечно поворачивая то направо, то налево и не могла найти выход. Будто

оказалась в колоссальном железном лабиринте, в котором наглухо закрыт потолок, нет других дверей и окон. Той двери, за которой её застрелили, тоже больше не было.

«Хоть бы лестницу какую найти. Нужно выбраться наверх. Сверху будет видно, где выход». Железные медные двери для выезда спецтехники высотой в два-три человеческих роста появились неожиданно, будто их не было здесь раньше. В правом нижнем углу врезана узенькая двухметровая дверца — для людей. Если дверь открыта, то это — выход. Если нет, то это — край здания. Если идти по стеночке и не сходить с пути, то найти выход будет не так сложно.

Карли опустила пистолет в пол и кинулась к двери, позабыв о громко стучащей по полу подошве летних сандалий. Уверенно положив ладонь на ручку двери, Карли опустила её и с радостью заметила, что открыто. С железным скрипом дверца «поехала» вперёд, открывая проход в чёрную бездну. Девушку рванули назад, схватив за талию и больно сжав.

— Ты видишь это? — диким голосом спросил убийца её родителей. — Тебе не уйти. Некуда бежать... Ты? Жива?

Рука на автомате подняла пистолет и палец нажал на курок. Грохот выстрела поразил. Пуля врезалась в глотку мужчине и послышался кровавое бульканье. Его руки ослабли, он отступил. Карли с ужасом в глазах смотрела на фонтанирующую кровь, замаравшую и её лицо. Крови столько, будто пуля задела общую сонную артерию. Может, так и есть: мужчина моргал, стремительно теряя зрение, переступал с ноги на ногу, пытаясь выровнять тело вертикально и держался за раненую шею.

— Ты прав, — потеряно согласилась Карли и решительно подняла пистолет на уровень его груди. — И я заберу тебя с собой в ад!

Ещё два намеренных выстрела в левую часть груди, в область сердца, и мужчина осел. Карли, проверив точно ли он сдох, отвернулась от него и смотрела вперёд в приоткрытую дверь. За нею — мир Теней. Мир, находящийся за пределами добра и зла, где-то на уровне демоно-ангельских отношений между богом и сатаной. Тот самый мир, от которого она бежала последние пять лет, мечтая навсегда вычеркнуть из памяти неприятное «путешествие».

— Неужели ты действительно думала, что Эш забыл про тебя? — прицокнув, спросил господин Градман, незаметно подкравшийся со спины.

— Авалон... — прошептала Карли; сил говорить громче не осталось. — Как я могла не узнать тебя под человеческой личиной? — она говорила больше сама с собой, озвучивая мысли. — Так привыкла жить в безопасности...

— Разве бессмертие для человека — не безопасность?

Карли сглотнула и выронила пистолет. Он способен защитить против человека, но не от демона. «Десятка» барона Эша, если переводить на карточный сленг. Один из сильнейших демонов в своей касте. Тот, чьих сил достаточно, чтобы настроить мост между миром людей и аморфным миром демонов — Тени. Там нет ничего, кроме абсолютной пустоты. Только бестелесные сущности, парящие в небытие. Именно поэтому каждый демон хочет вырваться оттуда, но только там демон может сохранить свою силу и сущность, теряя её в мире человеческом. Чем сильнее демон — тем стремительней эта потеря.

— Отпусти меня. Пожалуйста, отпусти. Зачем я нужна Эшу?

— Так иди же, Алая, иди. Считай, что тебе повезло.

— Просто так отпустишь? Зачем я нужна Эшу?! Что вы двое для меня приготовили?! Чего от меня хотите?! — Карли кричала и сорвала голос; иссушенная гортань зудела.

Авалон молчал. Он сложил руки на животе и смотрел маленькими голубыми глазками господина Градмана. Совсем как настоящий человек. Со смесью осуждения и сожаления во взгляде. Девушка небрежным движением стёрла с лица кровь, смешав собственную с кровью мужчины, убившего её родителей. Теперь она тоже убийца, как того и хотел Эш. Она убила человека. А был ли тот мужчина человеком? Вдруг он тоже перевертыш и вот-вот восстанет? — Не восстанет, — отозвался Авалон. — Он знал о демонах, но не более. Он был удачной попыткой номер два. Медленно, но верно.

«Точно. Он ведь читает мысли кого-угодно. Кроме Эша».

— Верно. Только особенные существа, подобные Эшу, защищены от моего влияния. Моя сила превосходит возможную в моей касте.

«Съеденная косточка граната...»

Авалон рассмеялся.

— Верно. Для тебя есть задание. Очень важное. На кону... душа твоего брата. Самоубийцы в рай не попадают, а в аду... кто знает, в какой круг он попадёт?
Мифологические рай и ад всего лишь детская сказка. Или сказка для взрослых, в зависимости от адаптации. На самом деле они существуют не в том виде, о котором знают люди. Ад — не семь кругов ада по Данте. Рай — не чудесные зелёные пуши и вечно плодоносящие фруктовые сады. Ад — это бесконечный мир Теней. Рай — короткий переходный этап перед перерождением. Так называемое чистилище.

«Не хочу. Не буду».

Голова затрещала по швам. Карли упала на колени, физически чувствуя, как застрявшая в мозге пуля пробивалась наружу, продирая черепную затылочную кость. Когда пуля вышла, наконец пришло облегчение. Спокойствие на лице господина Градмана сменилось раздражением. Оно покраснело от натуги, хотя Авалон вряд ли чувствовал нечто подобное. Его бестелесная сущность, описать которую человеческие слова вряд ли в силах, подчиняла себе тело господина Градмана, его действия, но не управляло эмоциями.

«Либо умрёшь как все твои предшественницы. По-настоящему умрёшь и навсегда останешься в Прилунье».

Прилунье — резиденция Эша, его поместье и его земли, покуда принадлежащий кусок мира Теней так можно назвать. Там нет ни улиц, ни домов, ни уличных поселений бродяжек.

«Проследи за мальчишкой, чёрным магом, — мысленный приказ Авалона вдавливал в пол. — Он не должен выйти из-под контроля Эша. Никогда».

«Какой... мальчишка?»

«Возвращайся в вашу человеческую столицу. Со временем сама всё поймёшь».

Авалон взмахнул руками господина Градмана — гигантские двери для выезда спецтехники со скрежетом отворились, открыв путь в реальный мир, мир смертных людей. В утренних сумерках забрезжил рассвет, раскрасив чёрные-пречёрные небеса жёлтым светом девственного солнечного луча.

«Иди же, Алая! Иди».

И Карли, встав, пошла.

Глава 7

Лёгким постукиванием указательного пальца по колену он выражал глубокое разочарование как в себе, так и в ближайших подчинённых. Они должны были припугнуть только-только окончившую университет девчонку, а они даже не смогли её поймать. Трое отравлены и лежат без сознания в больнице, один из них — с ожогом на груди. Четвёртый тоже отравлен и ходит, шатаясь. Его глазки то собраны в кучку, то расходятся по сторонам, а всё твердит:

— Для тебя самое то. Огонь, а не девка. Может и не сдохнет через неделю, как все остальные.

Стэн раздражал, как и его любимая белая бейсболка. Он сидел слева, прислонившись к окну, пока автомобиль с личным шофёром вёз их куда-то из города, следуя за маячком. Его Стэн прикрепил к уху Скарлетт О'Нейр, пока грозился выхлопнуть мозги из черепной коробки.

Следя за экраном одного из двух мониторов в салоне автомобиля, герцог понимал, что ситуация ему не нравится совсем.

Скарлетт находилась на территории Авалона, куда доступ ему был закрыт. Ссориться с архидемоном всей Маджени из-за нелюбимой невесты, которая и ценна-то только тем, что дочь графа и ненаследной графини, верх глупости. Но Стэн хвалил её, как не нахваливал ни одну из шести предыдущих жён. Только поэтому вместо того, чтобы лечь спать после выматывающего ритуала, Томас ди Мюррей сел в автомобиль и отправился за ней.

Только зачем? Вопрос не укладывался в голову. Если леди Скарлетт отправилась «на десерт» к Авалону — это не его дело. О том, что она его невеста, знают только они трое: он, Стэн и сама Скарлетт. Никаких СМИ, никакого официоза и даже отец, счастливо пребывающий где-то на европейском курорте, ни слухом ни духом об очередном намерении сына жениться. Казалось, жизненная ситуация Скарлетт О'Нейр идеальней некуда: такая не сможет отказать в браке даже тому, кто только в прошлом месяце стал шестикратным вдовцом.

На колени выпрыгнула чёрная кошка.

проклятие Эша не позволит ей умереть так просто, а долг крови — пережить вынужденный брак легко. Она не умрёт, а в остальном герцог не опасен. Гораздо большие опасения вызывает данное Авалоном задание.

— Позвольте, — сглотнув, Карли продолжила, — попросить вас о свадебном подарке. Для вас то мелочь, а для меня очень важно. Прошу вас, Ваша Светлость.

Неимоверным усилием девушка сохраняла равновесие и не заваливалась в бок, покуда наркотический дурман всё более завладевал её телом и разумом, проникая в мысли и нервные импульсы, координирующие работу элементарных движений тела. Силы для боя давно на исходе. Эта ночь стала тяжёлым испытанием для её силы духа и выносливости. Даже рабочий семестр, сопряжённый с хроническим недосыпом и фатальным недоеданием из-за отсутствия времени, не был настолько чудовищным, как сегодняшняя ночь.

За грехи юности она заплатит сполна. Сверх заслуженного.

— И чего же вы хотите? — с чумной улыбкой спросил герцог, удивляясь наглости леди су О'Нейр.

Женщина, оставшаяся без поддержки семьи (а кому нужна Скарлетт, у которой в близких кровных родственниках имеется самоубийца?), без денег, без связей. Всё, что у нее есть — её благородное происхождение. От такой женщины нестыдно иметь чужака и даже назвать его или её истинным наследником не только титула, но и главенства рода наравне с законнорожденным ребёнком без ущемления прав, как внебрачному.

— Возьми ответственность за родовое поместье О'Нейров. В качестве приданного невесты, — выдавила из себя Карли и пошатнулась. — Рубины не отдам, и не мечтайте. Пока я жива... воля третьего короля будет почитаться, пускай исключительно мной. Я никогда не предаю короля. Никогда не изменю ему и его доверию.

Томас молчал, наблюдая за стремительным ухудшением состояния Скарлетт. Её ноги дрожали, лицо и шея покраснели, как кожа отравленных ядом подчинённых, на лбу выступила испарина, а карие глаза заволочило пеленой, сделавшей их совсем чёрными. Она выглядела такой хрупкой, такой слабой и беззащитной, но обманываться не стоило. Эта девушка обманом одолела четверых мужчин и сумела избежать трагичной участи перед ликом одного из сильнейших демонов того, что смертные называют Адом.

— Вас хорошо воспитали, миледи. Очень хорошо.

Задумавшись, Томас не верил случившемуся чуду и подозревал подвох. Авалон никогда не отпускает жертв, даже если они случайны, как паук никогда не освободит попавшуюся в его сети «несъедобную» муху. Умертвит и отправит в «разделку»: даже самая ничтожная душа добавит несколько «пойнтов» к любому ритуалу. Томас мысленно смахнул навязчивые идеи рукой. Не стоило ему соглашаться со Стэном и играть в онлайн-рпг.

— Пожалуй.

— Прогуляемся? — предложил герцог, желая испытать пределы сдержанности и живучести новоприобретённой невесты. Теперь идея жениться вновь не казалась ему столь же неразумной, как и час назад. В худшем случае, он принесёт Скарлетт О'Нейр в жертву Авалону. Не он, так другой нужный ему демон оценит такую сильную душу.

Карли кивнула и побрела вдоль дороги, похрамывая на босую ногу. Томас шёл рядом с ней, только рукой махнул личному водителю, чтобы вёл автомобиль за ними и не отставал. Томас прислушивался, вглядывался так называемым «истинным» зрением, но не мог уловить в крови спутницы ничего демонического. Ни внутренней силы, ни признаков одержимости. Слишком подозрительно, чтобы быть правдой.

Томас схватил девушку за запястье и повернул к себе. Карли не высказала ни удивления, ни неприятия. Она просто стояла, не шевелясь, и с трудом вдыхала живительный чистый воздух, спасённый из-за гибели хозяина заброшенного завода. Безропотность девушки удивляла: она еле на ногах держится, а всё равно подчиняется? Разве ей не следовало сейчас закатить истерику и попроситься на ручки, как бесовщина?

Больше книг на сайте -

Knigoed.net

— Вы хотели... обсудить со мной некоторые вопросы? — безэмоционально спросила Карли, с трудом удерживая взгляд «глаза в глаза», единственно правомерный в личном разговоре между близкотитулованными особами.

— Пожалуй, подобные вопросы мы обсудим с вами в следующий раз, когда вы будете подобающе одеты, миледи.

Порванное платье и мужская кожаная куртка подобающей леди одеждой быть никак не могут. Выпустив из захвата тонкое запястье, Томас вынул из внутреннего кармана упаковку сухих гигиенических салфеток (влажные он на дух не переносил) и коснулся салфеткой щеки. Подсохшая кровь стиралась будто нехотя. Пришлось истратить всю пачку, но бордовые разводы на бледной из-за оттока крови оставались. Ещё имелась запасная упаковка в бардачке, если о ней не поточила коготки в поисках фиников Полночь.

Под засохшую кровью на лице девушки не было ни царапины. «Тогда в чьей крови она умылась?» — на пару мгновений нахмурился Томас и отвернулся, скомкав использованные салфетки в испачканных кровью ладонях. Сделав шаг, он услышал, как за его спиной упала Скарлетт О'Нейр, потеряв сознание. Замерев, герцог прислушивался, ожидая, что девушка встанет, но с её стороны не доносилось ни шороха движения. Только прерывистое частое дыхание.

Обернувшись, Томас опустил взгляд на землю. Никотиновый яд, который к моменту доклада ему не успели распознать, наконец подействовал и на несчастную отравительницу. Она мучилась от жара, обессилела от борьбы за жизнь и от испуга. Эта сильная духом женщина невольно вызывала уважение, как ни одна другая в его жизни (любимая матушка ни в счёт). Только слабый мужчина боится сильной женщины, а к ничтожествам Томас ди Мюррей себя никогда не причислял.

Личный водитель вышел из автомобиля, ожидая приказа, которого не последовало. Размявшись сведением лопаток два-три раза, герцог присел и поднял бессознательную Скарлетт су О'Нейр на руки. Она стала первой женщиной, оказавшейся на его руках. Закон запрещал выказывать женщине непочтение подобным образом, покуда она на самом деле не больна и не ранена. Только бесовщина, как простолюдин, может позволить себе взять женщину на руки и даже сделать из унижения часть праздничного свадебного ритуала.

— О предательстве ты пожалеешь, что не умерла вслед родителям. Запомни мои слова, — прошептал Томас бессознательной Скарлетт и внёс её в салон автомобиля через услужливо открытую нараспашку водителем дверцу.

Стэн спал беспробудно. Прежде чем автомобиль тронулся, герцог несколько раз щёлкнул его фалангой указательного пальца по носу и лбу, но бес толку. Стоило оставить его в больнице, а не везти с собой к границе с владениями Авалона. Узнай об этом Варя, его жена, то и не вспомнит, что Томас — герцог и работодатель мужа. Только вспомнит, что он друг её мужа, которому следует «вломить». Может, зря он её поваром нанял?

Томас мотнул голову, стряхивая пелену усталости. Уж женщину он никогда не боялся, даже такую деятельную как Варя. И на Скарлетт О'Нейр женится, чтобы доказать (в первую очередь самому себе) — он достаточно состоятелен как мужчина и не боится сильных женщин. Он их уважает.

— Кастер, езжай в больницу к ребятам, — приказал герцог водителю. — Затем вернёмся гостиницу.

— Будет сделано, Ваша Светлость. Скажите, а мы домой... когда?

— Как только врач отпустит этих пятерых «наркоманов».

Карли полусидя лежала на сиденье, положив голову на плечо Томаса, который скосил взгляд на оцарапанные руки девушки, им самолично признанной своей невестой. На летнем платье имелся карман, в котором блестел серебряный предмет. Портсигар (по описаниям похожий на хранилище ядовитых сигарет), мужское обручальное кольцо без украшательств и до боли знакомый крестик Стэна.

— Чертовка! — шёпотом усмехнулся Томас.

Забравшаяся на подголовник переднего пассажирского сиденья Полночь жалобно мяукнула.

Пробуждение вышло на удивление мягким, не как в прошлый раз после отравления мамиными сигаретами. Широкая двуспальная кровать кинг-сайз, застеленная тенселевым постельным бельём приятной серой расцветки с крупным серебряным узором. Такой по деньгам в сорок тысяч пенсов обойдётся. Дорого. Прикроватный столик из дерева, а не из опилок. Окно во всю стену с серебряной портьерой, туалетный столик с зеркалом, газетный столик и два мягких кресла.

Карли повернулась на другой бок, но ничего кроме складок помятого покрывала и продавленной подушки на второй половине кровати не увидела. Мысль, что кто-то посмел спать в одной с ней постели, неприятно будоражила. А если кто из персонала сфотографировал и отправил в СМИ? Она же до восьмидесяти лет не отмоется от такого позора и брака с герцогом ей тогда тоже не видать. Тогда кто-то из родственничков-предателей может отсудить рубиновый комплект и... честь рода О'Нейр будет окончательно втоптана в грязь. Под простынёй она лежала обнажённая: ни одежды, ни нижнего белья. Ощущение, которое в течение следующего дня преследует её после сношения, тоже не было. Сексом то, что могло произойти в беспомыслии, Карли назвать даже в мыслях не смогла бы. Тем не менее, она лежала в гостиничном номере (а где ещё она могла оказаться?), лежала одна и проголодалась. Из одежды нашёлся только белый махровый квадрат на одном из двух кремовых кресел. Прикрывая грудь простынёй, Карли села, опустила ноги на пол и всунула ступни в пушистые белые тапочки, окончательно убедившись в их принадлежности к центральной городской гостинице. Других достойных её происхождению гостиниц в провинциальном городе не имелось. Вот только кто привёл её в гостиницу? Карли помнила, как Авалон приказал ей уходить. Как она сначала бежала, потом перешла на шаг. Как порвалась сандалия, и девушка её выкинула.

Разговор с герцогом ди Мюрреем частично вспомнился в последний момент, и Карли закусил губу. Она всегда так делала, когда чувствовала приближающиеся неприятности. Достаточно ли уважительно она обращалась к герцогу? Не нахамила ли в эмоциональном порыве под названием «без тормозов»? Герцог нужен Карли, потому что только его титул сможет защитить её от родственничков, если те вдруг воспламят страстной любовью к ней в связи с гибелью родителей и брата и приближающейся свадьбой.

От Эша и его прихвостня Авалона её не защитит никто.

Во второй комнате гостиничного номера, в кабинете, никого не было. Тот же интерьер, скудность цветовой гаммы и слабо колышущиеся прозрачные занавески на карнизах приоткрытых окон. Ничто не выдавало недавнего присутствия в номере неизвестного мужчины, кроме как мятые простыни и вторая подушка. Теоретически, девушка сама могла измять их, но она не имела привычки ворочаться во время сна, каким бы беспокойным тот не был.

На длинном диване в несколько стопок лежали вещи из прачечной: порванное платье, замена ему новое синее в белый мелкий горошек ситцевое и фиолетовый костюм. По размеру как на мужчину. Карли присела рядом с большой стопкой и развернула фиолетовую ткань, припоминая фиолетовый костюм герцога для верховой езды, в котором он явился на аукцион. Действительно, он. Значит опасения устроить грандиозное шоу в СМИ нереальны.

Сложив вещи обратно как было, Карли забрала новое платье и красный тонкий пояс.

Возвращение в её жизнь Авалона неприятно будоражило. Карли после знакомства с демонами на пять лет покинула город, поступив в университет, и теперь... снова. И трёх месяцев не прошло с её возвращения домой, как дома не стало. Защитит ли герцог её поместье, как обещал утром? А обещал ли он или только кивнул, чтоб не приставала?

Слёзы полились сами собой, стоило только вспомнить серое ничто, стремительно принимающее очертания мужского силуэта. Эш за всё время пребывания Карли в «Прилунье», в его резиденции, ни разу не показал свой человеческий облик. Личина Авалона — невысокая хрупкая девочка лет пятнадцати на вид с длинными прямыми фиолетовыми волосами и чёрными провалами в глазницах. Жуткое зрелище.

«Мне стоило умереть вместе с друзьями тогда, в день первого совершеннолетия. Родители были бы живы... Брат, наверно, не женился на Тэсс... если всё случившееся — на самом деле происки Эша. Если только он виновен».

На девственно чистом рабочем столе находились только маленькие часики, старшая стрелка которых показывала четыре часа, а младшая — пятьдесят пять минут. Встреча с ли Партсинами

прошла без неё, без прямой наследницы родового поместья. Значит... оно не досталось семейке ли Партсин? Действительно не досталось? Одна хорошая новость, к сожалению, не перечеркнёт ужас других.

— Что-то не так? — спросил герцог.

Карли вздрогнула. Она не ожидала скорого возвращения жениха и даже не думала об этом. Она ведь не одета и... совершенно не слышала ни его шагов, ни звука проскользнувшей электронной карты-ключа, ни щелчка открывания двери. Карли так глубоко погрузилась в раздумья, что потерялась для внешнего мира. Даже сейчас, когда герцог окликнул её, она не сразу нашлась что ответить.

— Нет, всё в порядке. Я только проснулась, Ваша Светлость. Ещё не отошла ото сна.

Обернувшись, Карли прикоснулась кончиками пальцев к виску: голова немного кружилась, но болевых ощущений не было. Всего несколько часов назад у неё была дыра во лбу от огнестрельного выстрела, а после нескольких минут, проведённых без сознания, не осталось ни царапинки.

«Я... бессмертна?»

— В таком случае прими ванну и собирайся. Мы вылетаем домой в девять часов. Нужно время на дорогу до аэропорта.

«В столицу?»

Герцог, не обращая более внимания, левой рукой расстегнул пиджак и пересёк гостиную, подойдя к столу. На его поверхность был осторожно положен кожаный офисный портфель и вынутая из-за пазухи позолоченная шариковая ручка. После повесил пиджак на спинку стула и оправил жилет.

— Что-то ещё?

— Что... с поместьем? — Карли с трудом выговаривала слова, всё ещё находясь в состоянии шока от произошедшего.

— Я назначил управляющего от вашего имени, — будто нечто неважное огласил Томас как бы между делом; его больше волновал поиск нужного ему документа. — По прилёте тесно пообщаемся с юристом и нотариусом, заключим брачный договор... Всё в порядке? Это обычная практика.

Мужчина заметил небольшое изменение в выражении её лица и тут же отреагировал стандартным вопросом. Попробуй Карли возмутиться, так тут же была бы осмеяна: какой человек, имеющий личные сбережения в размере миллиона и более, пребывая в трезвом уме и твёрдой памяти, заключит брак без брачного договора? Даже если и попробует, государственная служба гражданской регистрации отклонит заявление, не имеющего соответствующего документа.

«Он думает, что я умру. Надо будет поинтересоваться, насколько или во сколько раз он увеличил состояние за счёт жён, к сегодняшнему дню отошедших в мир иной».

— Конечно. У меня есть один юрисконсульт на примете, которому я доверяю. Не возражаете?

— Нет, всё в порядке, — «отмахнулся» Томас.

Его на самом деле больше заботила встреча с одержимым демоном колдуном Михайлем, который после смерти жены бродяжничал по всему континенту, изучая медицину. Другие дела как, например, завершение практически бесполезного сотрудничества со старшим графом О'Нейром, выполнялись исключительно ради «галочки», чтобы не оставлять за спиной нерешённых вопросов. Полночь прилегла на спинке дивана, свесив хвост вниз и зевнула во всю ширь клыкастой пасти.

— Поспеш, — подтолкнул Томас, присаживаясь за стол. — Через два с половиной часа мы покинем гостиницу. Успеешь собраться?

Карли кивнула и поплелась в ванную комнату, прихватив из мини-бара бутылку амароне и широкий стеклянный бокал без ножки, идеально подходящий для красного вина. Томас проводил её до внутренней двери слабо заинтересованным взглядом и вернулся к пакету документов на покупку родового поместья су О'Нейров, изъятых у ли Партсина. Если бы покупка была совершена, посмертный урон су О'Нейрам был бы нанесён непоправимый. Полночь задремала.

Девушка вошла в просторную ванную комнату, отделанную кафелем ненавистного ей голубого цвета. На полочках лежало несколько свёрнутых в квадрат махровых полотенец и целая вереница разнообразных «одноцветных» гелей для душа и шампуней от известных

производителей профессиональной косметики. Карли не любила пены для ванн, как и ненавидела парфюмированную стойким запахом «химию». Пробников любимых средств от «Аластера» на полках не наблюдалось.

Початая бутылка амароне и бокал Карли отставила на приступок мраморной ванной и, сбросив халат, села на бортик пустой ванной. Воду пока не включала, теряясь в хаосе мыслей. Девушке не давал покоя приказ Авалона, который не стоило игнорировать. Она не имела на то права, у неё не было сил, чтобы платить за последствия и вытерпеть наказание.

«Мальчишка... чёрный маг. О ком идёт речь? Сколько лет ему, если для Авалона и девяти десятков лет старик тоже мелкий ребёнок?»

После нажатия на кнопку с контурным кругом из гидромассажных отверстий на стенках ванной стремительно хлынула ледяная вода и заполнила весь доступный объём. Карли погрузилась в неё, не замечая температуры и налила в бокал алого, как кровь застреленного ею мужчины, вина. Он убил её родителей, и никто не наказал его. Только она совершила возмездие над убийцей... и сама стала ею?

— Нет, глупости, — помотала головой Карли и отключила приток воды, готовой вот-вот перелиться через край ванны. — Уже завтра я буду в столице...

— Не терпится? — прервал размышления герцог, прислонившись боком к косяку двери и сложил руки на груди.

Томас неотрывно глядел на женщину, которая через несколько дней станет его официальной невестой. Хотел ли он жениться вновь? Нет. Со смерти шестой жены едва ли прошёл месяц, когда в этикетке чётко говорится, что траур по погибшему супругу должен длиться не менее полугода. А Томас с каждым разом всё больше и больше сокращал дозволенный срок.

«Однажды, меня за это покарает священная инквизиция», — подумал герцог с усмешкой, вспомнив школьные уроки по истории Средневековья.

— Мне будет полезно сменить окружение, Ваша Светлость. В этом городе уровень стресса зашкаливает.

Карли сделала глоток вина и сделала то, что не могла себе позволить долгое время — расслабилась. Прикрыв глаза, она положила голову на бортик ванной и стала ждать ответа, хотя не хотела слышать его. Ответ на интересующий её вопрос Томас ди Мюррей всё равно не знал и не мог даже догадываться о его важности.

— И всё? Это всё, что вас беспокоит, миледи? — Томас отстранился от дверного косяка и приблизился.

Он не верил ей от слова совсем. Ему слишком сложно было уложить в голове, что Авалон просто так отпустил пленницу, ведь он никогда раньше на его памяти не делал ничего подобного. Если бы имело место быть задание (хоть какое-нибудь), но Скарлетт су О'Нейр не похожа на человека, который впервые столкнулся с настоящим демоном. На уставшую девчонку — да, но не на чудом спасшегося человека.

— Позвольте напомнить, — Карли открыла глаза и перевернулась на бок, вспомнив с кем и в каком виде разговаривает; рука с бокалом вышла за пределы ванной и согнулась в локте, прижавшись к мраморному боку. — Я не праздно отдыхала последние несколько месяцев от самой аварии на дороге, в которой погибли мои родители...

«...а вы в тот же вечер вломилась в дом, взломали сейф и сменили замок, чтобы ни один гвардеец не смог предъявить обвинение в краже...»

Последних слов Карли не озвучила, понимая, что именно «вор» должен стать ее защитником в ближайшее время. Ей и так придется нелегко, чтобы ничего не упустить при составлении брачного договора и его тщательной проверке. Так что ей не до ссор и размолвок с ним.

— Не приbedняйтесь, Скарлетт, вам не идет, — хмыкнул Томас и присел на корточки перед ванной практически впритык к девушке. — Учитывая ваш внешний вид, я могу называть вас по имени.

— Пусть так и будет, Томас... Я бы хотела с вами подружиться во избежание неловких ситуаций... с моей стороны. Вы, как мне кажется, не были близки с большинством из предшествующих мне жен. Я права?

— Скарлетт, мы с вами говорим о герцогском браке. Душевная близость между супругами? Вы шутите или дотошно наивны? Может, вы ещё и девственница в двадцать два?

Карли глупо улынулась; недовольный тон герцога при обсуждении столь щекотливого вопроса её весьма позабавил. Леди до первого брака должны быть «чистыми и свежими, как ромашковое поле», а герцог скорее будет разочарован, если девушка сойдёт.

— Томас, а вы любите секс?

— Я люблю секс, а не работу на лесопилке дровосеком, — заметив взгляд девушки украдкой, уточнил. — Но и выкорчевывать останки после пожара я не намерен.

— Какая тонкая и язвительная аллегория, — прошептала Карли, пригубив еще немного вина. Герцог не ответил, скользя взглядом по обнаженному плечу, и коснулся её холодной от воды коже. Усмешка. Что за женщина тянет его в свои сети? Уж не ведьма ли, соблазнившая самого Авалона и имеющая его на посылках и во всех позах? Должен же хоть кто-то в современном мире выучить шестьдесят четыре искусства знаменитого индийского трактата.

— Довольно! — прошипел Томас и попытался отобрать бокал изрядно пристрастившейся к выпивке девушки. Ей бы сначала прийти в себя после столкновения с демоном, а после вино дегустировать. Так и до вытрезвителя додегустироваться можно.

Но Карли бокал отдавать не хотела. Он, выскользнув из рук, со звоном стекла разбился о кафель у ног герцога. Не говоря ни слова, Томас встал, взял бутылку амароне, стоящую на бортике, и, вопреки возмущённому взгляду, унёс вино обратно в мини-бар. Он заигрался.

Глава 9

«Какой удивительно мнительный засранец» — цыкнула Карли и слизала несколько капель вина, упавших на бортик. Она понимала, что у герцога не было ни единой причины ощущать предстоящее несчастье, но он чувствовал его. Это беспокоило... слегка. Хорошая интуиция еще никому счастья не приносила. Тем более, если этот «никому» имеет дело с демонами.

Тягостно вздохнув, девушка легла в ванне ровно и погрузилась в воду с головой. Холод всегда помогал собраться с мыслями, остужал нрав и приводил в чувство после показательных истерик. Сейчас подобным выступлением не добьешься ничего хорошего. Задержав дыхание, Карли открыла глаза: сквозь минерально-водную гладь с трудом просматривался натяжной потолок, зато тишина умиротворяла.

«Может... так и остаться? Вдохнуть и не выныривать? Абсолютное бессмертие — такое невозможно по всем законам физического мира и логики. Без дыхания нет жизни, а вода — её источник и могила. Если оставлю все позади, ни Эш, ни Авалон никогда не достанут меня. «Того» света не существует...»

В возрасте двадцати двух лет дочь скончавшихся в дорожной аварии графа и графини су О'Нейр, леди Скарлетт су О'Нейр, покончила с собой через утопление, как и незадолго до этого её брат, младший граф су О'Нейр совершил самоубийство через повешение...

Мысли об унижительном некрологе вытолкнули на поверхность. Почему утопленница? Тогда сразу вспомнят, что она в школе и в университете плаванием занималась профессионально.

Пловцы ведь так «любят умирать» в бассейнах, в реках, на пляже. Как магнитом тянет!

«Есть ли шанс на сопротивление воле Эша?»

Карли выпрямилась, сев ванне, и открыла слив. После того, как вино было изъято, у нее не оставалось ни одной причины, чтобы принимать ванну. Вымыться и в душевой кабине можно. Зачем тогда ванна, когда ни вина, ни пирожных нет?

Найти черного колдуна все равно придется хотя бы ради того, чтобы знать, с какой стороны ждёт опасность. Пока принимала душ, вымывая из волос и из-под ногтей запекшуюся кровь, Карли так и не смогла придумать, как вести себя дальше. Сопротивление бесполезно, если бессмертие было подарено Эшем. Как подарил, так и отберет.

Карли хотела жить, даже если ее лишат титула, (но этого никогда-никогда не произойдет). Крамольные, мелочные мысли о самоубийстве были забыты мгновенно. Она слишком многое пережила, чтобы так просто сдаться. Слишком просто и недостойно рода су О'Нейр, некогда отмеченного за отвагу самим Королем-Возрожденцем.

Вытянув из стопки махровых полотенец несколько, Карли насухо вытерлась, прикрыла тело и промокнула волосы, чтобы с них не стекала вода. После того, как её обнаженную герцог видел, не было смысла жаться. Надевать халат, в котором была грязной, не хотелось вовсе, поэтому Карли вышла так. Платье и нижнее белье осталось в спальном зоне.

Томас сидел на диване за обеденным столиком-каталкой, заставленным вкусностями: мясом, салатами и выпечкой. Еды было так много, что Карли усомнилась в способности одного слишком «проклятого» мужчины справиться с таким объемом пищи. Герцог перехватывал понемногу то с одной тарелки, то со второй и умудрялся соленое заедать пирожком с желто-оранжевого цвета вареньем.

Расстройство пищевого поведения налицо.

— Вкусно? — стараясь не хамить, поинтересовалась Карли. Будет слишком, если герцог отравится и уже она станет вдовой шестикратного вдовца.

— Вам не предлагали, — отмахнулся Томас и потянулся за бутербродом с толстым слоем сливочного масла и веточкой зеленой петрушки в качестве украшения. — Лучше поспешите. Не так много времени осталось до выезда.

— А как же мои вещи? Уезжая из столицы, я все домой привезла. Мы успеем заехать в поместье?

Герцог и бровью не повел, пока не прожевал.

— Чемоданы из холла уже в аэропорту, а остальное на месте докупишь.

— Томас, вы знаете, сколько стоит женская одежда и косметика? Про цифровую технику я даже заикаться не буду.

Сглотив, герцог отложил на тарелку оставшийся кусочек бутерброда и выморозил взглядом.

— Я был женат шесть раз. Скарлетт, вы действительно сомневаетесь, что я не знаю, сколько это стоит?

— Вы были женаты всего два года.

Перехватив два бутерброда из ветчины и белого хлеба, Карли переоделась в чистое, а влажные полотенца повесила на крючки в ванной. Через несколько часов она навсегда покинет родной город и больше никогда сюда не вернется. Уедет как можно дальше отсюда, от входа в «Прилуние», от резиденции Эша и коморки Авалона. Может, ее демоны не смогут достать там, в столице? Ведь демоны не всесильны. Только человеческая оболочка, только одержимый человек-сосуд позволит демону далеко уйти от своей точки невозврата.

После плотного ужина герцог перепроверил документы в офисном портфеле и оделся в «тройку». Другие сумки вместе с чемоданами Скарлетт с полтора часа назад отправлены в аэропорт. Вынудив девушку одеть соломенную с широкими полями шляпку, чтобы не светить лицо перед возможными камерами, Томас забрал пакетик орешков, оставшийся от заказа в номер. Он-таки съел и съел все.

Такси заказано, мосты за спиной сожжены. Карли поправила красную ленту на шляпке и вышла из номера следом за герцогом. Щелкнул электронный замок. В столице будет лучше: потерянные за годы учебы в университете школьные друзья забыли ее, но не те, которых она обрела за последние пять лет. Три месяца — слишком малый срок.

— Так будет лучше, — на грани слышимости повторяла Карли и сама не верила собственным словам.

Демоны вернулись в ее жизнь и вернулись неспроста. Ничто не будет как раньше, как в детстве и юности. Сможет ли она выдержать испытание или Судьба больше не ниспошлет третий шанс на нормальную жизнь? В чем провинилась Карли, что Эш вернулся за ней? Или провинился тот чернокнижник, а она просто оказалась «под рукой». Всего лишь удобным орудием для претворения в жизнь его извращенной справедливости?

Такси стандартного зеленого цвета с тремя желтыми полосками ожидало у парадного крыльца.

Так и оставшаяся не узнанной никем, Карли поспешила сесть в салон автомобиля. Ее ждала новая жизнь в знакомом месте, где она, казалось, знает каждый квадратный метр. Каждый кубический метр! Но она не знала главного: она не знала, какой будет ее жизнь в качестве герцогини ди Мюррей и сколько раз ее попытаются убить, прежде чем тайна бессмертия раскроется. Иначе... отчего жены герцога Томаса ди Мюррея мрут чаще мух?

Ехали в полном молчании. Карли спала, посмеив положить голову на плечо Томасу, а он серфинговал в интернете, читая посты в любимом сообществе «Бизнес Маджениа» и новости на официальной странице-представительстве короля, не забыв кинуть «привет» самому королю.

Лирой тоже человек, который жаждет простого человеческого общения хотя бы наедине с добрыми друзьями.

Королю Лирою только тридцать два и на трон ему пришлось сесть преждевременно. Не окажись королева-мать на пороге жизни и смерти, такой раздолбай никогда бы не занял трон. Вся страна смотрела с содроганием, когда его короновали. Надежды народа направлены на королеву и на малышку-наследницу, которой исполнилось только три года.

Аэропорт «Хаккоу» был единственным на всю префектуру, а потому здесь в любое время дня и ночи былолюдно. Оказавшись в толпе, Карли ощутила себя как не в своей тарелке: хотелось зайти в дьюти фри шоп и закупить сувениров, как делала то обычно, возвращаясь из Каффо обратно в Маджению.

До проверки билетов на гейте оставалось сорок минут: дорога, на удивление пустая в пиковый час, заняла меньше времени, более чем в два раза. Личным авиатранспортом герцог не пользовался, только сказав что-то о лишнях растратах и неудобстве при редком использовании. Разве летать вертолетом не удобнее, чем самолетом, привязанном к аэропорту? Для вертолета нужна только плоская крыша или небольшой пустырь, если приземляться на асфальт или песок. Как только Карли с герцогом нашли свободные места в зале ожидания, Карли отпросилась в дамскую комнату. Просто так сидеть и ждать было сложно: голова снова заполнялась мыслями о задании Авалона, о его возможностях контролировать ход выполнения. Девушку лихорадило, шатало между двумя состояниями: паническим страхом и абсолютной уверенностью в собственных силах. Возможно, это просто запоздавшие последствия наркотика.

Перед самым носом техничка повесила на дверную ручку уборной табличку «НЕ ВХОДИТЬ! ИДЁТ УБОРКА!» Возвращаться в зал ожидания, смотреть на снующих туда-сюда людей, надеяться не натолкнуться на папарацци... и, как назло, в туалет приспичило, а техничка все никак не выходила и не выходила. Сжав руки в кулаки, Карли решила. Она опустила поля шляпки еще ниже на лицо, чтоб уж точно никто ее не узнал, и юркнула в мужской туалет. Внутри никого не было. Переведя дыхание, Карли прошмыгнула мимо писсуаров и заперлась в одной из кабинок. Она ни разу в жизни не делала ничего подобного! И в этот самый момент в ее голове вспыхнуло воспоминание обеда герцога-обжоры. Это до какой скорости нужно разогнать обмен веществ, чтобы столько есть и не толстеть?!

Из совершенно глупых мыслей ее вырвали мужские голоса. Карли подтянула ноги к груди, чтобы никто из вошедших не заметил женские туфельки в проеме под дверь. Какой позор, если ее поймут! А если узнают ее лицо? «Поскорее бы они ушли...»

Но мужчины не спешили. Они негромко переговаривались между собой. Видимо, были близко знакомы. А еще говорят, что женщины ходят в туалет парами! Мужчины порой феминней женщин! И сплетничают хуже «баб», и автомобиль с их комплекующими обласкивают, как новую косметику. О чем разговаривали незнакомцы Карли не знала, не прислушивалась, пока не вычленила один из голосов.

«А теперь будь хорошей девочкой... пока не прострелил ногу».

От звуков этого голоса Карли вздрогнула и вся сжалась, но не произвела ни шороха. Голосов похитителей она не запомнила, в отличие от голоса их водителя. Карли обокрала его и потеряла золотое обручальное кольцо и цепочку с нательным крестиком. Они снова пришли за ней? Но ведь она договорилась с господином Градманом-Авалонем! Или это месть за себя и за убитого товарища? Того самого, которого застрелила Карли из мести за родителей?

Вычленив из их разговора свое имя, Карли поняла, что нужно что-то срочно решать и делать. Нужно узнать, действительно ли они работают на Авалона и знают ли о его демоническом происхождении? Или они — шестерки третьей стороны? Родственников, решивших наложить грязные ручонки на родовое поместье? Или на рубиновый комплект? Или на что-то еще, о чем не знает Карли, но чего является прямой наследницей?

Отряхнув юбку платья, девушка огляделась: из арсенала доступного оружия нашелся только ёршик для унитаза. Очень грязный ёршик, что доказывало, женский туалет убирали первым. Подставка под очень грязный ёршик годилась исключительно в качестве одноразового метательного снаряда. Может, они не заметят ее? Пройдут мимо, пока она безопасно доберется до гейта и пройдет на посадку?

Раз за разом напоминая себе об имеющемся бессмертии, Карли встала, жестко сжала в ладони чистую ручку ёршика и открыла локер на двери. В помещении никого кроме нее, больше не

было. Входная дверь хлопнула, Карли снова спряталась в кабинке и забралась с ногами на унитаз.

«Мы еще сыграем с тобой... в шахматы...»

Угроза набатом отдавалась в голове. Тот водитель, в белой бейсболке, уж точно не о шахматах говорил. Эта игра не распространена на большей части Пангеи, по крайней мере, не распространена на основной части Маджени. Вошедший в туалет мужчина не двигался. Карли представила, как он прислонился боком к дверному косяку и ждет белого флага от нее. Вот только из белых вещей у нее — горошек на синем платье.

— Через пятнадцать минут закончится посадка, — объявил герцог недовольно. — Передумала лететь?

Ершик выпал из ослабевших пальцев. Ей-таки поймали с поличным! И кто? Герцог Томас ди Мюррей, ее жених! Стыд-позор. Как она ему теперь на глаза покажется?

Карли пристыженного вышла из кабинки, подбирая слова для оправдания. Разве она могла рассказать про Авалона обычному человеку? Нет, не могла. Как иначе объяснить чудесное спасение из лап известного ростовщика, господина Градмана? Ей просто не поверят.

— Ваша Светлость... Томас...

— Такая медлительная техничка. Мой дом убирают быстрее, чем она с одним женским туалетом управляется.

Девушка расслабленно выдохнула. Поднимать ей на смех герцог не стал — уже хорошо. Вымыв руки с мылом-гелем, Карли позволила герцогу приобнять себя за талию и вывести из мужской уборной. Четверо мужчин-похитителей стояли линией в десятке шагов от двери. Один держал сумку с вещами герцога, второй — офисный портфель, третий смотрел в пол, не поднимая головы. Именно его «подкопчили» в подвале поместья су О'Нейров. Четвертый, который в белой бейсболке, лыбился как идиот.

От шока Карли чуть не оступилась, но ее подталкивал вперед, придерживающий за талию герцог. Карли вперилась взглядом в идиота: обручальное кольцо на месте, из-под футболки выглядывала украденная золотая цепь. Значит и мамин портсигар должен быть у него или у герцога. Эти четверо — его люди? Зачем тогда они пытались ее похитить? Для чего?

— Все вопросы потом, — на ухо прошептал Томас.

Его тон не терпел возражений и потому показался девушке угрожающим и отчего-то не менее страшным, чем слова самого Эша. Глупости! Как можно сравнивать демона-барона и человеческого герцога, всего лишь сто третьего в списке наследования королевского трона?

— Мне нужно умыться. Срочно! Дайте мне пять минут. Обещаю, мы не опоздаем на самолет. Объятие герцога тут же ослабло, и никто более не мешал Карли остаться наедине с самой собой. В женской уборной тоже было пусто. Девушка на негнущихся ногах добралась до раковин и на полную мощность включила ближайший смеситель в сторону холодной воды. Нужно срочно прийти в себя. Не просто срочно, а прямо сейчас. Сию же секунду.

Ледяная вода остудила. Карли отняла руки от лица и посмотрела в зеркало. Рядом с ней отражалась девочка примерно пятнадцати лет с длинными прямыми темно-фиолетовыми волосами и черными «белками» глаз. Не осталось никаких моральных сил, чтобы отреагировать на внезапное появление Авалона в человеческом облике.

— Ты ведь не думаешь, что я оставлю тебя без присмотра, Алая?

— Догадывалась, что ты подошлешь соглядатая. Это естественно.

Карли говорила спокойно, попутно встряхивая мокрые кисти рук. Затем она, игнорируя девочку слева, подошла к электрическому сушителю и подставила под тугие струи горячего воздуха лицо и руки.

— Лучше поясни, о каком конкретно черном маге идет речь. Имя? Титул? Район проживания и сфера амбиций? Ты не дал мне никакой информации. Послал за тем, не знаю за чем. Авалон? Демон исчез. Карли вышла из женской уборной и направилась к гейту, как под конвоем.

Непонятный герцог, опасные «его» люди. И туманное, неясное будущее, длительность которого поставлена под сомнение.

Пора точить коготки, Карли. Иначе тебе не выжить в этом проклятом небом и тьмой мире.

Стоило только сесть в кресло бизнес-класса, как Карли сморил сон до самого приземления. Шесть часов полета пробежали, как один миг, а она до сих пор жива, несмотря на безалаберную потерю концентрации и контроля над обстановкой.

Весь полет лицо Карли закрывала соломенная шляпка с красной лентой, и герцог напомнил не потерять ее, когда они выйдут на трап. К появлению очередной невесты этот мир стоило подготовить, а не заявлять без предупреждения, швырнув главную новость недели в клыкастые пасти желтушников.

Карли чувствовала, что сегодня для нее начнется новая жизнь. Жизнь, полная безрассудства и разочарований, интриг и смертельных опасностей. Ничего хорошего от жизни под пятой Эша она не ждала.

Такси в столице были такими же зелеными с желтыми полосками по бокам, как и в родном провинциальном городке. Только людей здесь больше в десятки, сотни раз. Новости громче. Скандалы — горячее. И убийства, много убийств, которые требуют тщательного журналистского расследования.

В ожидании пока герцог выберет такси (их стояло множество, но ни одно не приглянулось герцогу) Карли думала о будущем. Три месяца назад, стоя в личном кабинете профессора Мо в университете, она отказалась от вакантного места криминального журналиста из-за страха за собственную жизнь.

Теперь бояться нечего. Нужно только набрать выученный наизусть номер мобильного телефона и спросить о наличии вакансии. Карли всю свою жизнь провела в иждивенках у отца, но быть содержанкой у мужа не желала. Ди Мюррей не тот муж, которому она могла бы подставить спину.

Герцог отмер, когда к ним подъехали два черных совершенно одинаковых автомобиля с тонированными стеклами. В первой за рулем сидел водитель в белой бейсболке, а во второй — тот, который в аэропорту нес офисный портфель.

В багажники обоих автомобилей загрузил имеющиеся чемоданы, и Карли с герцогом сели в первый автомобиль, остальные — во второй. Никаких объяснений по поводу похищения Карли так до сих пор не получила, узнав только что идиота в белой бейсболке зовут Стэн. Стэн — глава отдела безопасности и командир личного отряда телохранителей. Про его военное прошлое девушка спрашивать не стала.

Стэн раздражал. Обращался он к Карли исключительно вежливо «Ваша Светлость», хотя до «Светлости» ей еще мошеннический брачный контракт подписывать и свидетельство о заключении брака. В отличие от «подкопченного», имя которого еще не было названо, он не был ни на толику искренен в отношении нее. Тот, другой, избегал смотреть на нее и держался в стороне. Вероятно, боялся сорваться.

— Томас, — Карли решила не откладывать дело в долгий ящик и разобраться сразу. — Зачем ваши личные телохранители пытались похитить меня из собственного дома?

— Не похитить, а симитировать похищение, — поправил герцог. — Не секрет, что все шесть жен погибли не своей смертью. Четверо из них продали меня конкурентам. Это была проверка, с которой вы блестяще справились, миледи.

Герцог улыбнулся, и от его улыбки Карли замутило. Он так спокойно сказал о насильственной смерти предыдущих жен, будто признался в самоличном убийстве оных. Только серийного маньяка в мужа не хватало для полного счастья!

И вновь гнетущее молчание. Этот мужчина с черной кошкой, как с меховым воротником, на плечах — кладезь неприятных сюрпризов. И все эти подарки придется ей последовательно один за другим распаковывать.

— Но... Томас, вы были прекрасно извещены о моем положении и временной стрессовой нестабильности. Вы понимаете, что я во всех своих злоключениях обвинила господина Градмана?

— Смею надеяться, что господин Градман не вылезет из своей конуры. Никогда.

— Это не ответ, Томас, — отметила Карли, держа почтительно-вежливую дистанцию. Мысль о том, что сам герцог может оказаться убийцей своих жен, не отпускала. Он не должен узнать о ее бессмертии.

— Это не вопрос, Скарлетт, — вторил Томас с усмешкой. — Когда будете готовы задать конкретный вопрос, я вас выслушаю с особым вниманием. А пока дам вам время на

обустройство в моем доме. Затем объявим о помолвке, подпишем брачный контракт и так далее по отработанному сценарию... Простите, для вас это будет первый брак...

«...и последний» — послышалось Карли между слов. Тем не менее, концентрации она не потеряла и растекаться как желе не собиралась. Реальной угрозы ее жизни не было, а значит волноваться стоило только о возможности раскрытия тайны.

— Вам не о чем беспокоиться, Скарлетт, — Томас совершенно безрассудно положил ладонь на не прикрытое юбкой платья колено. — Если не сдружитесь с моими конкурентами, я обеспечу вам должную защиту. В ином случае, за преступное бездействие меня не осудят.

— Смею надеяться, — повторила слова герцога Карли, — что вы сдержите свое обещание хотя бы ради рубинового комплекта. Его я передам исключительно наследнику, а вы не похожи на человека, согласного возиться с детьми без привлечения сторонних служб. Я думаю, вы достаточно мнительны, чтобы не доверять своих детей чужим людям.

Томас тут же убрал руку.

— Вы настроены решительно, миледи, — усмехнулся герцог. — Сегодня я оставлю вас «на хозяйстве», а завтра... завтра проверим мощь вашей решительности. Если забеременеете до свадьбы, я исполню любое ваше желание. В пределах разумного, конечно.

Карли приободрилась, несмотря на условие. Практически любое желание... сейчас никаких желаний, кроме бытового комфорта и чувства безопасности, которые в любом случае герцог обязан ей предоставить, не было. Но девушка не ручалась, что такое желание не появится в ближайшем будущем.

— Боюсь, я не смогу оставить вас вдовой, если вы то пожелаете, — еще одна усмешка, издевательская такая. — В отличие от вас, мои родственники более многочисленны, безжалостны и крайне плотоядны. Совет акционеров и вовсе не оставит ни пенса вам на содержание. Вы и мой ребенок окажетесь в нищете, будете побираться по работным домам и ночлежкам бедняков... мне продолжать список того, что я не могу вам позволить?

— И не думала о подобном, — довольно резко заявила Карли. — Стоит признаться, я ничего не смыслю в бизнесе. Это не моя сфера деятельности. Иначе я взяла бразды правления бизнесом отца. Я имела на это полное право.

— Исключая неэкономическую направленность вашего образования.

О том, какая именно сфера ее деятельности, герцог не спросил. Его это не интересовало или он давно знал об этом, Карли не трогало. Далее говорил только герцог, и он не замолчал, пока автомобиль не остановился у трехэтажного коттеджа кирпичной расцветки и с массивной бордовой крышей.

Когда Карли ступила на гравиевую подъездную дорожку, то первым делом увидела мраморный фонтан довольно простой архитектуры. За ее спиной располагалось парадное крыльцо с большой входной двустворчатой дверью.

По рассказу герцога в пути, Карли уже знала, что на первом этаже располагались комнаты для приема гостей, столовая и кухня. На втором — хозяйская гостиная, спальни и несколько пустых комнат, отданных на растерзание под будуар и будущую детскую. Весь третий этаж обособливался исключительно под рабочий кабинет герцога, куда доступ без приглашения запрещен.

В роскошно обставленном холле Карли чувствовала привкус чужеродности. Интерьер выглядел так, будто он был создан исключительно ради светской потехи, а не по вкусу хозяина. А значит узнать что-то об истинной личине герцога можно только заглянув на третий этаж.

Но Карли не планировала без веской причины нарушать запрет. Ей до того не было никакого дела. Ее душа требовала материальной независимости, из-за отсутствия которой после смерти родителей и брата она попала в крайне неудобную ситуацию, стремящуюся сбросить ее с величественного графского пьедестала в бездну нищеты и вечной нужды.

Стоило только ей и герцогу войти в холл, к ним на встречу поднялась с дивана женщина, на вид несколько младше тридцати лет. Ее черты лица и светлый золотистый цвет волос навевали подозрения о славянском происхождении. Впрочем, абсолютной уверенности не было: ей еще никогда не удавалось в живую встретить никого из «русичей».

— Это Варя, повар, — представил Томас. — Она покажет вам дом и поможет расположиться. Я вас на сегодня оставлю.

За герцогом наверх по лестнице ушел «подкопченный», неся сумку с вещами и офисный портфель. Мужчина кивнул Варе, поприветствовав ее, но глаз на новую хозяйку так и не поднял. Видимо, собирается и дальше ее избегать по мере возможностей.

— Позвольте вас проводить, Ваша Светлость, — обратилась Варя, склонив голову.

Карли тут же смекнула, что в этом доме поощрялось панибратство. Возможно, не со всей прислугой, ведь встречать хозяина с новой невестой вышла только кухарка. «Повар» — поправила себя девушка, вспомнив слова герцога. Он не зря назвал Варю именно поваром.

— Благодарю, — кивнула Карли точно также, как «подкопченный». — Мне показалось, что в этом доме принято называть друг друга по именам. Или я ошибаюсь?

— Все верно. Жильцы дома называют друг друга по полным именам. Я же прошу, чтобы меня называли не Варвара, а Варя. Мое имя довольно-таки устарело на родине, а жителям Маджении оно очень непривычно на слух.

— Варя, вы живете в доме одна?

Небольшая нервозность в движениях славянки (после уточнения о ее родине не осталось никаких сомнений) наводила на мысль, что один из горе-похитителей являлся ее мужем. Герцог провел за пределами столицы больше трех месяцев (в СМИ написали, что он не явился на похороны шестой жены), и Варе явно хотелось пойти к мужу, а не развлекать новую начальницу.

— С мужем. Иногда в гостевых комнатах остаются на ночь парни из охраны, но обычно в доме живут всего четыре человека. Домработницы и дворецкий — приходящая прислуга.

«Четвертый человек — это жена, — подумала Карли. — А Варя с мужем приравниваются к членам семьи, как невестка с братом».

— Тогда покажи мне спальню и иди к мужу. Экскурсию по дому проведешь позже, это не срочно.

— Спасибо, Скарлетт. Идемте!

Варя тут же приободрилась и повела на второй этаж. Карли пропускала мимо вычурные пейзажи в золоченных рамах, прекрасные ковры и старинного дизайна настенные светильники. Она понимала, что все это — пустое, для гостей. На втором этаже только спальня могла порадовать человеческим духом и то, скорее всего, духом почившей шестой жены.

Именно личность герцогини Мариетты ди Мюррей угадывалась в спальне, принадлежавшей ей одной. С самой свадьбы, по информации в СМИ, герцог не появлялся в столице, разъезжая по командировкам внутри страны и вне ее. Тягостная атмосфера после самоубийцы удручающе действовала на нервы.

Варя пожелала хорошо отдохнуть и, пообещав во всем помочь, бабочкой упорхала к мужу.

После того, как за ней закрылась дверь, Карли первым делом распахнула настежь окна, чтобы выветрить кажущуюся ей лекарственную придуру, оставшуюся от шестой жены герцога.

С сегодняшнего дня этот коттедж — ее дом. Пускай в этой комнате четыре месяца проживала самоубийца, девушка после произошедшего с братом более не испытывала к «слабым» людям омерзения. Впрочем, жалости тоже. Только потухшую, как угли, ярость и боль предательства. Телефона ни стационарного, ни мобильного в спальне оказалось, что логично. Только постель на постаменте под массивным балдахином, туалетный столик с большим зеркалом в резной оправе и дверь, ведущая в будуар (или просто в гардеробную — Карли пока не могла быть уверенной на сто процентов, пока не увидела остального дома).

Подобная роскошь была характерна не герцогине Мариетте, что провела в медикаментозном беспмятстве все месяцы замужества, но герцогине Далinee. Той самой, что понесла от любовника-альфонса и была застрелена им же.

Тем не менее, герцог клялся, что плодовит. И это притом, что за четыре года брачных отношений (точнее за два, если исключить время траура после похорон) ни одна из жен не забеременела от него. Карли одновременно и боялась этого, и была счастлива: вскоре она свяжет свою жизнь с совершенно чужим человеком, изменять которому не позволит аристократическая гордость.

Теперь она знает какое желание будет загадано, если ей повезет исполнить условие до обозначенного герцогом срока. А если герцог посмеет не выполнить обещание, то лучше бы ему прикинуться овощем: женская месть нелогична и беспощадна в своей изощренности.

Карли опустила балдахин и прилегла. Постель дурманила не выветрившимся запахом антидепрессантов, но требовать срочной смены постельного белья девушка не смела. Она — новенькая в этом доме и недолго ей быть здесь хозяйкой, если возмнит себя госпожой. После ненормальной связи с бестелесным Эшем пять лет назад относиться к сексу «просто» не получалось. Каждый раз становился как собачья случка, единственным и пресным, оставляющим после себя омерзительный шлейф грязи, будто искупалась в помоях. С герцогом будет также. Так будет много раз и только забеременев можно будет солгать, что интимная близость опасна для здоровья ребенка. А может она просто привыкнет к рукам герцога и не будет все утро обжиматься с унитазом, выворачиваясь от отвращения к любовнику.

Хорошо, что человек не может забеременеть от демона, как от совершенно иного биологического вида. Окажись Карли в подобной ситуации в семнадцать лет, ее репутацию не спасло бы ничто. А значит и вся последующая светская жизнь стала бы невозможной. Только бы герцог не понял, что гложет ее изнутри.

Сама не заметив когда, Карли уснула. Серо-бежевые гигантские щупальца сотен скруадили шлепали по лужам, по влажной грязи в мире Теней. Присоски на их щупальцах смачно причмокивали, оставляя после себя металлические следы.

Перезвон колокольчиков на крыльях авнов с уродливо непропорциональными телами и разной длины восемью волосатыми пятнистыми лапками отдавался противным писком в ушах, угнетая слух и отключая мозг на пару с инстинктом самосохранения.

Вампиры — иссушенные морщинистые карлики, среди которых только один из десяти мог, сгорбившись, передвигаться на двух ногах. Остальные кочевряжились на четырех, пятясь как раки только вперед, а не назад.

Меркали. О них Карли знала преступно мало, но видела одного из расы и мечтала больше никогда не встречаться с такими. Образ помеси динозавра-хищника с кентавром из мифов и легенд прочно засел в ее памяти, внушая трепетный доисторический ужас.

Ламперки — плотоядные цветки с паразитирующими на всем живом лозами, имели острые акульки клыки длиннее с указательный палец. И таких клыков имели три или четыре ряда. За давностью пролетевших пяти лет Карли уже не помнила, а потому в ее гадливом кошмаре ламперки жевали лапы безынтересному ко всему происходящему меркаля в различных вариациях.

Цокот его копыт сводил с ума, как и колокольчики авнов. Сколь бы сильным не было желание Карли очнуться от кошмара, на нее одну неотвратимо надвигалась беспросветная туча низших демонов, которые пять лет тому назад на ее глазах сожрали всех ее школьных друзей.

Глава 11

— Скарлетт, Скарлетт, — обеспокоенная Варя трясла девушку за плечо, пытаясь разбудить. Карли морщилась во сне, сжималась в эмбрион и что-то шептала на грани слышимости, а приходить в себя не спешила. Сколько бы ее не будила женщина, у нее ничего не выходило. Там, во сне, многомиллиардный рой цикут — демонического аналога мухи це-це с похожими свойствами яда — железным занавесом обволол кусок арендованной виллы, как термиты, проев все преграды на своем пути, даже стены.

Землю постоянно трясло, пока гафроны — жирные кольчатые черви с палец двадцать первого размера и длинные, как широкий лентец в кишечнике человека, достигающие пятнадцати метров. Их тоже много, как цикут, и в миллиардном количестве они копошились в земле, обнажая полные яиц членики.

Девушка открыла глаза, не переставая дрожать, все еще видя перед собой черное-пречерное небо абсолютной пустоты мира Теней, куда они с друзьями по юношеской неосмотрительности попали. Кошмары о мире Теней более трех лет не мучали ее (даже после смерти родителей и брата) и теперь снова.

— Скарлетт.

— Все хорошо. Я проснулась, — мученически отозвалась Карли и вытянула затекшие во время сна ноги. — Мне просто кошмар приснился. Ничего страшного.

Страшного как раз-таки было много, но все это в прошлом. Если человеческий мир не расколется напополам и яд мира Тени не выльется через расщелину, не бывать низшим демонам на земле людской. Только это и успокаивало, что невозможность реализации кошмара, претворения его в жизнь.

— Воды? — предложила Варя, протягивая полный до краев стакан.

— Лучше чего-нибудь покрепче. Ханзель? — попросила коньяка из южной префектуры Карли и, тем не менее, залпом опустошила стакан. — Если нет открытого, то и не нужно. Который сейчас час?

— Восемь вечера. Вам, наверное, сложно из-за разницы часовых поясов.

Варя помогла сесть. Карли облокотилась спиной о массивное, надежное изголовье и выпила второй стакан воды. Двухчасовая разница между префектурами ее особо не волновала, в отличие от долгого кошмарного сна. Она слишком сильно переволновалась в связи с возвращением в ее жизнь старых и крайне нежелательных знакомых. Даже на ностальгию по семье сил не хватает.

— Мне нужно позвонить, — предупредила Карли, намекая на незнание месторасположения телефона. — По работе. Не стоит откладывать такие важные разговоры. Я и так планировала сделать звонок часов шесть назад.

В изголовье кровати обнаружилась странная широкая ниша непонятого предназначения. У Карли не получалось сидеть ровно, и она постоянно скатывалась в нишу. Девушке совершенно не приглянулось убранство спальни по вкусу герцогини Далинеи, но в чужой монастырь со своим уставом не приходят.

— Хорошо, я принесу трубку, — на автомате кивнула Варя. — Может быть, вы присоединитесь к ужину Томаса?

— В восемь вечера? — удивилась Карли, припоминая неадекватный обед в гостиничном номере. — У него никаких проблем с пищеварением нет? Думаю, мне стоит о таком знать?

— Дело не в пищеварении, — осторожно начала Варя неудобный для нее разговор. — Скорее дело в психике. Томас вместо армии по контракту служил. В Лагрии. Там он с моим мужем и познакомился.

Дальше можно было не продолжать. Лагрия — страна, вот уже больше десяти лет считающаяся «горячей точкой». Она — один из северных соседей Маджени и имеет с ней протяженную сухопутную границу. Во избежание смещения военного фронта за ее границу, правительство посылает контрактников для усиления блокпостов.

Единственный сын герцога ди Мюррея не мог по собственной воле выбрать службу по контракту. Отец просто-напросто его не пустил бы. Но о старшем ди Мюррее в СМИ уже давно ничего не писали. Вроде бы, он улетел куда-то в Европу и живет где-то на Сейшелах. Или это в Африке? Об этом говорил Томас, упоминая о плотоядных родственниках? Они его на верную смерть посылали?

Если до этого момента у Карли были сомнения, приходилось ли герцогу убивать человека, то теперь все сомнения отпали сами собой. Нельзя отслужить в Лагрии три года и не замарать руки в крови.

— Голод армейского быта и скудность рациона? — предположила Карли, чтобы отвлечь Варю от догадок об ее истинных мыслях. Женщина кивнула. — Тогда понятно, почему Томас мне нахамил. С такими вещами не шутят.

Карли слабо представляла, что нужно делать, имея на руках такой «материал». Герцог не был похож на жертву войны, но ведь должна же быть причина, почему слабохарактерная герцогиня Мариетта травилась медикаментами в отсутствие мужа, будто боялась дожить до его возвращения. Избил в первую брачную ночь? Или напугал извращенными пристрастиями?

Варя принесла радио-трубку стационарного телефона, поставила поднос с маленькой десертной тарелкой и в ней рулетки из камбалы и креветок с лаймом. Судя по всему, Варя действительно вкусно готовит, раз уж заслужила звание повара у вечно голодного герцога.

Номер мобильного телефона профессора Мо Карли знала наизусть вот уже несколько лет, в течение которых он был ее куратором в университете. Если вдруг какой вопрос или проблема — сразу к нему. Насчет спортивной стипендии — тоже. Почему вдруг дочь небедного графа оказалась стипендиаткой — длинная и не очень хорошая история, за которую сейчас стыдно.

— Профессор, вас беспокоит Карли О'Нейр, — в университете использование высокородных приставок не поощрялось. — С последнего выпуска. Вы предлагали работу криминальным журналистом. Место еще вакантно?

Из динамика прошуршал старческий голос профессора Мо. Его лекции, какую бы дисциплину он не читал, были самыми скучными из всех. Профессор Мо умудрялся даже во время бодрой соревновательной практики нагнать тоску и усыпить. Как лектора, его никто из студентов не любил, но профессор Мо обладал поистине добрым сердцем и широкой душой. Что бы ни произошло, он всегда выслушает и сделает все возможное, чтобы помочь.

— Да, я передумала. Нет-нет, что вы? Человек, повинный в смерти моих родителей, уже мертв. Мне некому мстить. Насколько мне известно, его убили в его же убежище. Нет, простите, профессор, я не знаю подробностей.

Профессор Мо еще долго расспрашивал Карли о ее самочувствии, о мужчине-друге ее отца и о женихе по совместительству (Карли не хватило бессовестности назвать имя герцога), о новом доме и о наказании шалавы Тэсс. За все время знакомства с профессором Мо, это был первый раз, когда он оскорбил человека. Обычно крайне вежливый профессор Мо никогда и ни о ком не говорил плохо.

В целом, новости хорошие: вакансия криминального журналиста непопулярна в связи с опасностью для жизни, и единственный соискатель не особо удачлив на сенсации. Если Карли его обойдет во время испытательного срока, то рабочее место отдадут ей. Это вселяло надежду на лучшее.

В гардеробной Карли нашла сиреневое велюровое платье-халат, подошедшее ей по плечам, и в новом облачении к девяти часам спустилась на первый этаж в обеденную комнату. Герцога еще не было, зато имелись супруги: Варя и идиот в белой бейсболке кружились вокруг стола, расставляя блюда на паузин.

«Почему именно он?» — в мыслях воскликнула Карли, но не позволила эмоциям взять верх над мимикой лица.

— Доооообрый вечер! — играясь в самолетик, пропел Стэн, «облетая» Карли. — Вам салатик или рыбки?

Стэн приподнял сначала одну тарелку, затем другую. Такую наглую фамильярность Карли готова была стерпеть от сокурсников, но уж точно не от начальника личной охраны будущего мужа. Стэн хлопал глазенками в ожидании, пока она отомрет.

Девушка сдержалась, чтобы не сжать об бессилия зубы и кулаки. Она в этом доме чужая. Она не знает правил этого дома, но они ей уже не нравятся. Она... Стэн и Томас познакомились на службе в Лагрии... Осознание обухом ужарило по мозгу. Она ведь чувствовала, что Стэн — профессиональный военный! Она чувствовала исходящую от него угрозу!

А потому Карли мило улыбнулась и выбрала фруктовую нарезку. Затем пластик ветчины. И кусочек тушеной рыбки. И чайную ложечку кабачковой икры. И... И... И... Не только герцог ел от нервов.

Супруги не без удивления смотрели, как Карли по чуть-чуть сметает себе в рот все, до чего только может дотянуться. Попытка остановить ее кончилась неудачно: Карли вышла из-за стола, бездумно подошла к серванту и приложила к бутылке элитного коньяка, игнорируя наличие рюмки.

— Стресс! — авторитетно заявила Варя на удивленный взгляд вошедшего в столовую герцога. Томас, будучи несколько шокированным выходкой девушки, тем не менее спокойно прошел по обеденной и присоединился к столу. Все, абсолютно все блюда были попробованы, будто невеста переняла его манеру обедать. Но Томаса больше волновало другое: ему срочно нужно было сообщить кое-что очень важное, но произнести вслух при пьяной девице он не мог. Она рухнула, как подкошенная; осколки коньячной бутылки порезали пальцы, но Томас всего лишь приложил ладонь к глазам, не желая видеть этого позора. Зато теперь, когда Карли находилась без сознания, он мог говорить, не страшась раскрыть тайну перед очередной «женушкой».

— Кишах пробил контур, — развел руками Томас, орудя сразу двумя вилками при наполнении своей тарелки. — Я все поправил, подлатал. Но все равно, чтобы каждый выпил по стакану арнужки перед сном.

Ни Стэн, ни Варя и не думали помогать Карли, пока герцог не заговорил. Никто из них не знал, как долго она протянет в качестве герцогини и стоит ли ей сочувствовать.

— Скарлетт с ума сходила от кошмара, — сдала Варя. — Она так долго не просыпалась, что я начала за нее волноваться.

— А я-то думал, чего Кишах так разжирел, — между бутербродом с крабовой пастой и маринованным огурцом вставил Томас. — Фантомасу, питающемуся кошмарами и страхами, думаю, пришлась по вкусу недавняя биография девчонки. Арнужку все равно на всех завари. Успокоительный отвар для сна без сновидений был идеальным вариантом для отпугивания особенно прилипчивых особей из кишахов и лрабедов. Вторые, в отличие от первых, питались не эмоциями, а нервными импульсами. Несчастливая жертва к утру превращалась в овощ. Каждый из троих: Томас, Варя и Стэн понимали, что с сегодняшнего дня для жителей этого коттеджа начался привычным квест — выживание жены в доме чернокнижника. Так было с предыдущими женами. Так будет и с седьмой, включая таинственный некролог в конце истории.

Отужинав, герцог сжалился над пьянью (в конце концов обычный человек безоружен перед фантомасами и не в состоянии избежать их влияния, а потусторонней дури вокруг чернокнижника всегда много) и, подхватив девушку под мышки, поднял, прижал к поясу, так и поволок. Из-за разницы в росте только носочки тапочек изредка касались пола.

Скинув обувь на кровать, Томас обошел спальню по периметру, проверил экстрасенсорные дыры, закрыл окна и принес с третьего этажа медный таз, в который обычно скидывал излишки ингредиентов и отработанный материал. Это на случай, если ее начнет рвать после плотного ужина и коньячной «подливки» с высоким алкогольным градусом и долгой выдержкой. Коньяка, к которому Томас равнодушен, не жалко. Имея столь нестабильное увлечение, как колдовство, никакой алкоголь не нужен. Практикуя, порой видишь такие «мультики», какие и на жестких наркотиках не получишь.

Годы шли, отец развлекался на Сейшелах с новой пассией, а менее близкие родственники скалили зубы и потирали ручки в ожидании, когда он сложит обязанности и отойдет от дел. Сто третий в очереди на престолонаследие звучит гораздо более внушительно, если из того списка вычеркнуть всех малолетних, престарелых, недостойных (слишком мягких, политически необразованных, склонных к внушению или насилию), инакомыслящих... В таком «чистом» списке Томас ди Мюррей находился на четвертом месте после нынешнего короля, его трехлетней дочери и старшей сестры, принцессы Аю.

Скарлетт су О'Нейр казалась Томасу забавной. Он вошел под балдахин, с ногами устроился в постели, не сняв домашних туфель, и откинул с лица девушки кудрявые темно-каштановые волосы.

Выхоленная, с тенью пережитого горя от потери семьи Скарлетт была достаточно привлекательна, чтобы сделать ее любовницей, но не женой. (Общественность опять встанет на дыбы из-за проигнорированного срока траура). Для жены у нее не было ни отцовских связей, ни денег (поместье в двух часовых поясах от столицы — такая мелочь), ни-че-го.

Если ко всему прочему она окажется очередной пустышкой, не способной зачать магически одаренного ребенка, то им не по пути. Выживет — получит клеймо развода и уедет в свое поместье. Так уж и быть, он поможет ей не загнуться от нищеты первое время. Дальше — все будет зависеть только от нее самой.

Карли очнулась, с мучительным стоном согнувшись пополам. Желудок пел и плясал, разрываясь от передания, в глотке стоял рвотный вкус, но позывы не беспокоили. Заметив пробуждение, Томас подтянул таз поближе: герцог не знал, где хранится сменное белье, а тревожить беременную Варю не хотел.

«Последний глоток был лишним» — единственная цельная мысль из вороха пьяных обрубков. Алкоголь всегда действовал на нее удручающе, но ни разу — до потери сознания. Последнее, что помнила Карли, так это самолетик в исполнении придурковатого Стэна, в одной руке у которого тарелка с рыбой, а в другой — с салатом.

Зато сейчас перед ее носом — пахучий подкопченный металлический таз, от вони которого передергивало сильнее, чем от отравления алкоголем. Продираясь через туманное сознание, Карли могла порадоваться только одной новости: она не в вытрезвителе, а в той самой спальне с духом самоубийцы.

Таз был отодвинут. Карли нашла в себе силы приподняться и сесть, облокотившись об изголовье. Даже провал в нишу не уменьшил решимости выглядеть нормально. Хотя бы адекватно, для начала.

Глава 12

— Спать или тазик? — насмешливо спросил герцог, глядя в бледное болезненное лицо.

— А сколько время?

— Десять.

— Тогда спать.

Карли сползла по изголовью вниз и схватилась за виски. Никакого сочувствия от герцога она не получит, а ведь это он во всем виноват! Не укради он из папиного сейфа документы, брат бы не повесился. Именно после их пропажи брат совсем скис и опустил руки.

Все-таки герцог подал отличную идею! Стать его вдовой (бездетной и после «закрепления» на работе) со стабильным заработком (опасность для жизни и количество первостраничных сенсаций отражались на зарплате) — потрясающая идея.

Только в этой идее имелась одна серьезная дыра — нельзя стать вдовой при живом муже.

Надеяться на своевременный несчастный случай не приходилось. Марать руки самой — тоже не вариант.

Да и герцогских родственничков Карли как-то побаивалась. Еще живы в памяти воспоминания о том, как набежали шакалы, пока она лежала в больнице, докрутили итак натянутые нервы брата и растворились в небытие, будто бы их и не было.

У ди Мюррея родственников больше. И у столичных аристократов амбиции покруче, чем желание урвать миллион-другой пенсов. Счет идет на миллиарды и приближенность к короне.

— О чем задумалась? — все также смешливо спросил Томас, наблюдая презабавную игру мимики, говорившую о трудном мыслительном процессе в хорошенькой головке.

— О смысле бытия, — кратко ответила Карли. И о чем еще можно думать спяну? О том, как чудит парламент? Так она далека от политики. О росте налогов и цен? Первого она никогда не касалась, а ко второму — несколько месяцев, не считая зоны дьюти фри по прилете в ожидании окончания «мужских дел» в уборной. Стэну приспичило: что-то не то съел.

— Действительно, о чем еще думать? — совершенно случайно повторил мысль Томас и улегся поперек кровати, подложив под голову руку. Ему показалось смешным немного поиздеваться над навязавшейся в жены девушкой. — Запомни, я ложусь спать не позднее одиннадцати, а встаю очень рано. Хочешь спать дольше, иди в женскую комнату.

Герцог помнил, насколько маленькая софа стоит в будуаре, что на нее поместится разве что ребенок в половину его роста. А еще Томас не учел, что в университете тренер по плаванию принуждал членов сборной вставать в полпятого ради двухчасовой утренней тренировки.

— Обя-зательно за-помню, — зевая и засыпая, Карли встала с постели, дернула покрывало (у нее не получилось убрать его из-за лежавшего герцога) и нырнула под одеяло, прижав ноги к груди (герцог лежал поперек и мешал их выпрямить).

Карли снова заснула больше из-за алкоголя, чем из-за естественной усталости. Томас и сам хотел спать, страшно устав за проверкой защиты дома. В прошлый раз он покинул его на достаточное время, чтобы потусторонние твари нарушили контур и изжили Мари. Повторения трагедии герцог не хотел. Особенно сейчас, когда «вкусный» и беззащитный плод растет в утробе Вари спустя несколько лет безуспешных попыток зачать.

...будто в ледяных объятиях Эша оказалась...

Замерев от неожиданного сравнения, Карли быстро осознала, что это сон. Остатки сна-воспоминания ужасающе будоражили, испортив настроение с самого утра. Тем не менее (по ощущениям) Карли проснулась по университетской привычке ровно в четыре часа и тридцать минут.

Спиной девушка чувствовала прохладную грудь герцога, его тесные объятия и ощущала себя плюшевой ростовой игрушкой. Учитывая информацию о его военном прошлом, лишних вопросов, а также издевок не возникало. Подобные шутки хуже шуток «ниже пояса».

Герцог мерз. Его руки всегда холодные, как у мертвеца. Холоднее только у Эша, много десятилетий не видевшего солнечного света человеческого мира. Пуховое одеяло, которым укрывался герцог, годилось для зимы и сна с открытым окном, но не для лета. Ночи в Лагрии

холодные. Страна на севере не только граничила с Мадженией, но и имела выход в калифорнийское холодное течение.

Жалость как ветром сдуло, когда вспомнился вчерашний пьяный концерт и вечерние насмешки герцога. Томас говорил, что ложиться в одиннадцать, а просыпается очень рано? Насколько его «очень» очень? Выпутавшись из объятий, Карли села и опустила ноги, надела тапочки и обернулась. Герцог спал без сновидений. Эмоции не отражались на его лице, как на лице любого мертвеца.

В нише из тканевого кармана выглядывала чернявая ушастая макушка Полуночи, и ее темные длинные усы резко выделялись на фоне светлого постельного белья. Кошка тихо гортанно мурчала во сне, напоминая звуки «бесшумной» стиральной машины, рекламу которой безостановочно крутят по кабельному телевизору и в интернете.

Еще не прочувствовав границ дозволенного, Карли не могла оставить все как есть. Ведь герцог, наверное, тоже прощупывает ее в ответ. Его вчерашняя выходка из-за ее вчерашней выходки... Карли сглотнула и бездумно решила, будет что будет.

Девушка обернулась и потрясла герцога за плечо, точно также как ее будила Варя. Спустя две секунды мужчина открыл мутные со сна глаза и тут же закрыл их, не увидев ничего интересного.

— Томас, — позвала Карли. — Ты же говорил... вставать пора. Ты опоздаешь. Томас.

Продолжая трясти за плечо, Карли отскочила, когда герцог подпрыгнул. Он на счет три «слетел» с постели, надел штаны и белую рубашку свободного кроя. Еще через несколько секунд в спальне осталась одна только Карли, шокировано глядящая во все глаза перед собой: и минуты не прошло с пробуждения Томаса и до его выхода из комнаты. Быстро, вот что значит военная служба вместо армейской!

Прелести этой самой службы послушать тоже пришлось. Узнав, сколько на самом деле времени, Томас разразился громогласной матерной тирадой. Карли, все еще не вставшую с постели, потрясывало. Ей казалось, что весь коттедж трясло. Бесстрастный на публике герцог выливал скопившиеся эмоции на домашних, не выбирая слов. Очумевшая Полуночь выскочила из кармана-постельки и слепо кинулась на помощь хозяину.

Вот тогда Карли и поняла, что если герцог поднимется в спальню, то ей несдобровать. Только бы не ударил! И не прогнал. Сначала девушка кинулась в гардеробную, но, несмотря на обширность площади, прятаться в ней негде. Затем вдохнула-выдохнула и полезла искать купальник. На заднем дворе имелся чудный бассейн, так пусть хоть он станет оправданием для ранней пробудки. А в том, что она и герцога разбудила... так он сам виноват. Томас сам «попросил». В следующий раз шутить не будет!

— Скарлетт су О'Нейр! — крикнул герцог.

Поняв, что ее через мгновение порвут на кусочки, Карли, перекинув полотенце через плечо, вышла из спальни с меланхоличным выражением лица. С герцогом они столкнулись на лестнице. Томас остолбенел от невероятной наглости и перевел донельзя злой взгляд на главу службы безопасности — Стэна, на плече которого на когтях висела Полуночь. Варя поглядывала из-за двери в свою спальню.

— Что произошло? — серьезно потребовал Стэн, вновь напоминая девушке военного.

— Она!.. — у Томаса не хватало слов, чтобы описать сложившуюся ситуацию и не выглядеть при этом капризным ребенком.

— Томас, — мягко прошептала Карли, успокаивая. — Вчера вы сказали, что встаете очень рано, раньше меня. Раз вы женитесь на мне, то знаете обо мне все. И про утренние тренировки по плаванию тоже.

Герцог старательно отводил глаза и старался не пыхтеть. Его недовольство выражалось в каждом движении, в каждом жесте, в каждом вдохе и выдохе.

— Я поплаваю в бассейне на заднем дворе, — сообщила Карли. — Около двух часов. Мне должно этого хватить.

Когда Карли спускалась по лестнице на первый этаж, Стэн спохватился остановить ее, но герцог удержал его за локоть. Он жестко держал, не позволяя ни спуститься следом за ней, ни окликнуть. Стэн раз дернулся, два и под давящим взглядом герцога остановился.

— На заднем дворе нет бассейна. Там аквариум, — напомнил Стэн.

— Зараза к заразе не пристает, — с жестокой усмешкой бросил герцог.

«Вот поэтому ты шестикратно вдовец», — подумал Стэн, но озвучивать мысль не стал. Сам факт следовавших одних за другими похорон приелся и уже не вызывал той бурной реакции, которая была в первый, второй и даже третий раз. Томас, безразличный к судьбе навязавшейся невесты, на его глазах ушел досыпать четыре часа, а сам Стэн беспокойно переминался с ноги на ногу. С одной стороны, нужно было найти способ помочь... с другой — он помнил, как Летта подседа на черную магию, как на иглу. Так и не стало второй жены, герцогини Виолетты ди Мюррей.

Стэн в окно видел, как Скарлетт О'Нейр вышла на задний двор и скрылась за необозримым углом дома. Мужчина беспокоился, что видел ее в последний раз, и надеялся, что аквариум станет безболезненной смертью в отличие от миллиардов других всевозможных способов умереть, будучи женой практикующего чернокнижника.

Тем временем сама Карли об опасности не ведала. Переодевшись в черный с золотом открытый купальник, она положила полотенце на вынесенную ею для этой цели табуретку и оставила рядом шлепанцы. Блеск ночных фонарей на глади чистой бирюзового цвета морской воде радовал глаз. (Уж наполнить бассейн морской водой, а не хлорной герцог должен быть состоятелен).

Несколько удивляло наличие морских декораций, песка, сине-зеленых водорослей и гладких камней на дне. Бассейн выглядел необычно... как и герцог — хамелеон — изменивший темперамент, как только пересек порог родного дома. Такого человека, как он, нужно просто принять и перетерпеть. От идеи стать вдовой потягивало криминалом, а вот от развода девушка (не успевши замуж выйти) отказываться не собиралась.

Карли ступила на мраморный бортик и рыбкой нырнула в воду. Прохладная вода, температура которой специально поддерживалась отопительной системой) способствовала расслаблению мышц и приведению расшатавшейся психики к нормальному состоянию.

На дне не песок, а мягкий ил. Карли с удовольствием ныряла и наслаждалась, проваливаясь стопами в него, как на процедуре в элитном спа-салоне, пока не наступила на плоскую рыбину. Кожистый пятнистый ромб ската вдарил разрядом тока не меньше двухсот вольт и обжог ноги. От боли и шока Карли потеряла ощущение ног и стала тонуть.

Легкие обожгло залившейся в них при вдохе водой, подскочило внутричерепное давление. Девушка широко распахнула глаза и через толщу воды увидела на бортике человека. Он занес ногу для прыжка в воду, но остановился и не сделал этого. Нога в белом кроссовке отпечаталась на сетчатке глаза и вызвала приступ неконтролируемого гнева.

Ярость помогла привести себя в чувство. Карли выдохнула остатки воздуха и забарахталась, руками пытаясь выплыть на поверхность. Ладонь почувствовала прохладную поверхность мрамора, и из последних сил девушка подтянулась, вынырнув.

Отдышаться все никак не получалось. Вода лилась изо рта и носа неиссякаемым потоком. Неужели наглоталась? Когда получилось вдохнуть, Карли положила голову на сложенные на бортике руки и успокоилась. Сейчас ей нельзя сходить с ума: герцог обещал защищать, покуда она будет ему политически верна. А что на деле? Ведь единственный, кто в доме носит кроссовки (да еще белые) — Стэн.

Ноги не реагировали, будто парализованы. Придерживавшись за бортик, Карли переползла к лесенке и подтянулась. Сев на бортик между перилами подъемной лесенки, девушка опустила глаза на черные пятна на обожженной коже. Даже если резво ускользнувший скат средневольтовый, то в токопроводящей среде вред приносил значительный.

На мокром лице слез не видно.

Из обожженной кожи, как из раны, просачивалась густая, отчего-то чернильно-синяя, жидкость. Она нефтяной лужей растекалась в воде и скатом перемещалась в соленой воде. Жидкость сформировалась в черный с синими прожилками шар и мальком стремительно метнулась в сторону. Скаты всплыл брюхом вверх, пронзенный трансформировавшимся в гарпун шаром. Стэна, кажется, больше рядом не было, как и мертвых участков кожи, на месте которых — ровная, гладкая кожа, красная от сдирания предыдущей живьем. Чувствительность ног понемногу возвращалась, и Карли могла сдерживать крик, но не слезы. Небольшая стычка на лестнице между герцогом и Стэном доказывала, что об опасном обитателе аквариума ее не предупредили намеренно.

Превозмогая боль, Карли поднялась на колени и поползла до полотенца. У нее есть еще несколько часов до пробуждения жителей дома, чтобы все подготовить. Придется объяснить

им, что с ней так обходиться нельзя. Ее нужно уважать! Больше никакого подбострастия и подлизывания.

Она пыталась. Она действительно пыталась прижать хвост и не высовывать дурной нрав наружу. Пока не пнешь, пингвин не полетит!

Есть множество преимуществ в том, чтобы быть черным магом помимо различных «плюшек» гордости за свое мастерство, стремления к самосовершенствованию и автоматическому решению проблем из разряда количественных, а не качественных.

Одна из самых любимых «плюшек» герцога — возможность просыпаться в одиннадцать часов дня, хорошо отоспавшись после ночных мероприятий и колдовства. Если появляются дела на утреннее время, то можно либо отправить двойника с памятью для аудио- и видеозаписи или же отмотать время назад.

Шутка над Скарлетт су О'Нейр вышла боком: кто знал что она приучена вставать в полпятого утра? Ненормальная, психологически альтернативно одаренная. Будто она практику не по специальности журналиста проходила, а на врача экстренной хирургической помощи. Если уж на журналиста-литератора, то на каком-нибудь «желтушном» порталчике с посещаемостью в два с половиной пользователя в полгода.

Томас подвоха не ощущал, пока не почувал потрясающий запах жареного мяса, который совершенно не сочетался с Варей, читавшей толстый печатный журнал для будущих мамочек. Во время готовки Варя никогда не уходила с кухни и на никакие журнальчики не отвлекалась.

— Скарлетт просила дать ей самой приготовить завтрак, — ответила на недоуменный взгляд герцога Варя, а потом всколыхнулось еще большее непонимание: откуда продукты?

— У нее нет водительских прав, — сообщил он и тут же нервно вынул смартфон из кармана брюк. — Вообще никаких навыков вождения. Газ с тормозом не различает...

В «Мадженике» в уведомлении пришло сообщение от представительства дорожного патруля. Они информировали, что сегодня в семь утра и двенадцать минут его любимый автомобиль врезался сразу в четыре танка (столица готовилась к военному параду). Видео и фотографии с места происшествия прилагались, как и квитанции на уплату штрафов.

Одного взгляда на первую фотографию хватило, чтобы не включать воспроизведение видеозаписи. Фарш. Эта груда металлолома не поддается ремонту. Чуть ли не плача над ушедшим товарищем, Томас мечтал, чтобы невестушка сдохла в аварии. Он куски от ее останков бросит в мусоросжигатель и отомстит.

Она — в кухне.

«Убью».

Глава 13

Карли порхала по кухне, испытывая небывалый душевный подъем. Кто мог подумать, что разбивать дорогие автомобили — это так захватывающе! Окажись она в реанимации, так весело бы не было. Более того, все было бы очень грустно, ведь в прошлый раз после автомобильной аварии в больнице лежалось не очень-то весело.

С каждым новым разом переходить через перерождение легче. Даже сознание больше не уплывало, а боль со временем меркла. Девушка не считала количество полученных переломов в четырехкратном столкновении с «экспонатами» военного парада (столкновение с танком и не с одним даже в мыслях звучало абсурдно!) Она и не думала, а принимала как данность свои новые способности.

Томас радостное настроение не разделял: Золотая Молния была неприкосновенной, и даже Стэн никогда не получал к ней ключей. Те самые были надежно спрятаны, но девчонка су О'Нейр доказала, что не так уж и надежно.

— Доброе утро! — с улыбкой радостно воскликнула Карли, обернувшись. — Обед скоро будет готов.

— Ты зачем мою Молнию брала? — выдавил из себя Томас и старался держать себя в руках, потому что магия сдерживаться не стала бы.

— Мне нужны были креветки для соуса, — пожала плечиками девушка и встала в пол-оборота, чтобы зачерпнуть немного варившегося соуса лопаточкой. — Такая вкусняшка!

— У меня аллергия на креветки.

— Я знаю.

Томас опешил. Эта маленькая... друнь, только что нахамила ему? То ли она слишком наглая, то ли слишком тупая. «Как она нашла ключи?! И почему на ней ни царапины, когда Молния — всмятку!?!»

— Розовый соус креветочный, молочного цвета — сливочно-чесночный. К нежному тушеному мясу морепродуктов и тот, и другой подойдут идеально. Более того, Чернявка тоже сможет покушать без опасения попасть к ветеринару из-за коликов.

— Чернявка? — не понял герцог, в недоумении сделав шаг назад. — Ветеринар? Это ты так Полночь назвала? Мою Полночь?!

— Я посоветовалась с ветеринаром! Ей такое кушать можно, правда.

— Ты когда успела?!

— Нуую... я же на «колесах» была.

— Одни колеса и остались!!

«Она же в семь утра Молнию разбила... И до того все успела? Или уже позже?»

— Ты такой злой, потому что голодный. Давай я тебе мяска положу и соусницу со сливочно-чесночным соусом поближе поставлю, чтобы случайно не перепутал.

Томаса трясло от злости, а миловидное личико невестушки, строившей из себя конченную дуру, бесило до искр стихийных проклятий в пальцах. Нет, смерть — это слишком просто. Так легко она не отделается! К черту Молнию — она придумала глупое прозвище Полночи!

Непростительно.

Из духового электрического шкафа веяло чудесным рыбным запахом, какой бывает только от нежнейшего филе. В чем подвох? Карли порхала у плиты, варила два вида соуса и выглядела так, будто хотела извиниться за аварию. Вот только интуиция кричала хуже гвардейской сирены: что-то здесь нечисто.

— Никаких креветок, помидоров и острых специй? — переспросил Томас и недоверчиво покосился в тушеное филе за стеклом духового шкафа.

— Ты столько ешь! После острого желудок «сядет», — пробормотала Карли, присев на колени перед стеклом. — Уже, наверное, все готово. — Повернувшись, с сияющими наивностью карими глазами Карли попросила: — Поможешь накрыть на стол?

Вот как такой просящей отказать? Такой на коленях, со «слезками» в лучистых глазах, и тон голоса мягкий, завораживающий. В отсутствии прямых доказательств и не обнаруженной вины, герцог смягчился до выяснения обстоятельств. То, что разбитая Молния — женская месть, это факт. Только один вопрос: как узнала, куда бить?

Надев vareжки-прихватки, Карли немного отползла назад и вытащила из духового шкафа противень с тушеным в овощах и зелени филе. Запах дурманящий — должно же было хоть раз повезти с женой, способной не только уберечь кухонный гарнитур от пожара, но и приготовить что-нибудь вкусненькое! Пожалуй, за умение готовить Молнию можно простить.

На запах в кухню заглянули супруги: сначала Варя, затем и забрел Стэн, который поразился количеству кастрюль и сковородок. Еще и противень. Карли, поставив его на деревянную подставку, легким нажатием кнопки на экране смартфона включила вайфай-чайник.

На столе — целый пир традиционной мадженийской кухни: граванский рис, маринованная в листовых специях цветная капуста, салат из грибного ассорти с базиликом, бутерброды с кремом из мидий, персиковое суфле. А главное блюдо — тушеная... рыба?

— Что за рыба? — смягчился Томас, когда стол был накрыт и все домочадцы разместились: война войной, а обед по расписанию.

Филе получилось настолько потрясающим, что его стоило приготовить еще раз как-нибудь.

— Скат.

«Бредит», — подумал Томас, прекрасно понимая, что отыскать свежего или свежемороженого ската даже в столице тяжело.

— У нас только одна продовольственная компания занимается доставкой крупногабаритных морепродуктов и то под заказ. Ты когда успела?

— Какая компания? — искренне удивилась Карли, широко распахнув глаза. Даже палочки отложила. — Я его в бассейне взяла. В том, который на заднем дворе.

Черные кудряшки Томаса встали дыбом, будто его током ударило. За столом наступила напряженная тишина, ведь шутить на тему домашнего питомца герцога никто не стал бы. Плечи

подрагивали, глаза обреченно закрылись: «спокойно, она бы не смогла поймать Чаппи голыми руками».

Соловьиная трель звонка пролетела по дому.

— О, это, наверное, чистильщики бассейнов! — воскликнула Карли с улыбкой, продолжая строить из себя дуру. — Они опоздали на полтора часа. Ух, я им устрою!

Обмакнув губы салфеткой, девушка вышла из-за стола. Варя переглянулась с мужем, и оба посмотрели на закипевшего герцога: Скарлетт переборщила — ей не стоило лгать о таких вещах. Если бы только она держала язык за зубами (хотя бы сейчас), то не довела бы Томаса до состояния кипения.

— Тооом, — тихо позвал Стэн. — Может, откажешься от свадьбы, пока не поздно? Скарлетт, конечно, очень «выживабельная», но терпеть ее поведение из-за этого?..

— Она так легко не отделается, — прошипел Томас и бросил смятую салфетку на стол. — За кого она меня принимает? За маленького мальчика, увидевшего сиськи, и сразу слюни потекли? Это она зря.

Герцог вышел из-за стола.

— Ты куда?

— Чаппи проверить. Заодно посмотрю, кого эта ненормальная притащила.

Увидеть двух настоящих чистильщиков бассейнов с лицензией Томас не ожидал, как и подтвердить наличие половины Чаппи на обеденном столе, а второй половины — в морозильной камере. Пока герцог тупо таращился в аквариум, который после чистки в течение пяти-шести часов станет бассейном для тренировок Скарлетт и аква аэробики для Вари, Карли приделалась.

В брючках и свитере с высокой стойкой горловины она выглядела до того мило, что Томас посчитал величайшим благом наличие шелкового шарфика, которым это дуру можно задушить. Собственными руками, а потом отмотать время назад и бросить где-нибудь в подворотне.

Только не забыть кроссовки снять — тогда за самоубийство сойдет.

— У меня собеседование, так что рано не жди! — Карли чмокнула его в щеку и отстранилась.

О том, что его нервная система не выдерживает, девушка поняла, а потому поспешила ретироваться. Пройдет немного времени, и герцог остынет. Может, ей даже не попадет за... за все.

В гвардейском пункте не протолкнуться. Утреннее происшествие, вызвавшее небывалый ажиотаж в обществе, также принесло немало материальных затрат. Четыре танка «поцарапано» бронированным спортивным автомобилем класса эксклюзив.

Томас знал, что сообщения представительства дорожного патруля лучше не игнорировать.

Один раз забыл, и на штраф начислили такую пеню, что запомнил на всю жизнь. Восемьсот тринадцать процентов! Вот тебе и последствия антиаристотного закона против безнаказанности аристократов и богачей.

— Оплата штрафов, пожалуйста, — сообщил Томас, проскочив в свободное окошко.

— Идентификационный номер, пожалуйста, — устало ответил гвардеец, не найдя в себе сил задавать вопросы.

— «Эж», «Ту», «Лос», «девять», «восемь», «шесть», «четыре», «восемь», «два», «девять», «три», «шесть», «Пек».

Забив номер в компьютер, гвардеец с оторвавшимся именной бейджиком поднял ошалелые глаза, в которых явственно читалось: «И это твоя будущая жена?» Томас предпочел проигнорировать этот взгляд и залогиниться в банковской системе, где его ждал большой сюрприз.

Оплата счетов за сегодня:

— АЗС «Фэйран». маркировка 68, двадцать восемь литров;

— превышение скорости в пределах города (список постое);

— продовольственный универмаг «Эльшен» (список покупок);

— продовольственный универсам на Фюрса (список покупок);

— магазин бытовой и цифровой техники «Крошал» (список покупок);

— ветеринарная клиника «им. Эргюссона» (список услуг);

— лавка бижутерных изделий на ул. Триваш (список покупок).

Итого оплачено: 12 318,648 пенсов.

«Всего двенадцать тысяч пенсов? Антуанетта потратила восемьсот тысяч за полтора часа, а эта невеста только двенадцать тысяч за целое утро. Все не так уж и плохо...»

Траты за Молнию и погром на площади в эту сумму не входили... Если бы Молния выжила, герцог не спустил бы с рук заливку фэйрановского пойла, да еще и шестьдесят восьмой маркировки! Оно убивает подшипники за считанные часы, засоряет бензобак и... да чего теперь страдать по ушедшим?

— С вас четыреста тысяч двести шестьдесят пенсов, не включая штраф за вождение без лицензии. Леди Скарлетт су О'Нейр должна будет подойти в течение дня для проведения экспертизы на алкогольное опьянение. В случае отрицательного результата будет проведена экспертиза на психологическую адекватность.

«Вот тут-то и будет положительный результат» — мстительно подумал Томас.

— Да, конечно.

Пикнул смартфон из-за пришедшего сообщения с квитанцией об оплате и кнопкой «оплатить». Стоило поговорить со Скарлетт: она точно сделала это, чтобы ему досадить! Других причин герцог в упор не видел.

— Заодно проверьте состояние запроса по идентификатору... — Томас быстро написал выученную за долгие годы комбинацию букв и цифр на листке и вернул ручку на подставку. — Вот по такому.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — не успел Томас развернуться, как его снова окликнул гвардеец. — Ваш запрос закрыт уже восемь лет. Закрытие датировано четырнадцатым августа.

— Закрыт? Восемь лет назад? Здесь какая-то ошибка, — возмутился герцог. — Я каждые полгода вношу приличную сумму на продолжение поисков герцогини Котоко ди Мюррей. Запрос не могли закрыть. Я плачу пятьсот-семьсот тысяч, не меньше.

— Простите? — нахмурился гвардеец и подал только что распечатанный документ. — После указанной трагедии шесть лет назад запрещено взимание средств на поиски пропавших без вести с их родственников. Исключительно из государственных фондов.

— В таком случае позвольте полюбопытствовать, где те девять миллионов, которые я вложил за эти годы? За мой запрос ответственен Смотрящий Пиккис.

— Пиккис Эдворл? Тот, который уже семь лет как на пенсии, если не ошибаюсь?

— На пенсии? — переспросил Томас. — Семь лет? Я вкладывал средства в запрос пять месяцев назад. Лично разговаривал с ним.

В ожидании подтверждения информации Томас постукивал указательным пальцем по поверхности стойки, как делал всегда, когда нервничал. Не бред ли? За мошенничество в размерах более пяти миллионов закон предусматривал смертную казнь. Притом не только для самого мошенника, но и для соучастников, использующих краденые средства. Престарелый Пиккис не выглядел настолько идиотом, чтобы так подставить членов своей семьи. Седой и кучерявый, как Святой Лаодай, раздающий подарки в Новый Год, Смотрящий Пиккис представлялся уставшим от рутины гвардейцем, вечно проседающим на больничных и в оздоровительных отпусках.

— Герцог ди Мюррей! — воскликнул Пиккис за спиной, и Томас обернулся на голос. — Какая встреча! Уж не ваш автомобиль вызвал такой переполох? Отличный автомобиль! Заглядень!

— С женщиной поссорился. Отомстила, — бархатные нотки его голоса перемежались с откровенной стальной ненавистью, а злобу во взгляде можно было сослать на выходку невесты.

— Эдворл, герцог ди Мюррей настаивает, что вы взимали плату за поиски герцогини Котоко ди Мюррей после наложения запрета. Будьте добры объяснить.

Пиккис замер. Его глаза профессионально смотрели в одну точку, но пальцы задрожали, и он поспешил сложить кисти рук в замок.

— Здесь какая-то ошибка. Все финансовые потоки отражены в отчетностях. Мы можем поднять документы и убедиться, что никакого взимания средств после запрета не происходило. Более того, средства, полученные за неделю до запрета и не использованные по целевому назначению, были возвращены через секретаря герцога. Насколько помню, то была очень большая сумма. Что-то около четырехсот пятидесяти тысяч пенсов. Точно-точно, немногим меньше пятисот тысяч. k n i g o e d . n e t

Томас окинул взглядом Пиккиса от макушки до пят. Модная прическа, очки «Фарло» костюм от Васко, часы «Вердано», ботинки от Люкас Брестэл, барсетка «Страллис» — те марки, от

назойливой рекламы в интернете которых глаза плачут кровавыми слезами. На уставшего от рутины старика он похож совсем не был.

— Подарки от сына и его семьи, — быстро нашелся с ответом Пиккис. — Мой мальчик добился успеха в театре. И жена — актриса главных ролей. Я так рад за него.

И это он жаловался, что сын работает грузчиком, потому что нет денег на университет?

Из последних сил Томас сдерживал внутри гнев.

— Я так и понял, — холодно сказал он.

Радужная оболочка синего цвета темнела и расширялась, пока не пожрала весь белок. Грубые жирные нити угольной синевы вылезли на виски и распространялись по бокам лица и поползли на шею. Пиккис нахваливать сына прекратил и недоуменно вглядывался в преобразившееся лицо. Руки теряли цвет и приобретали ненормальную даже для хамелеона прозрачность.

— Герцог ди... — ахнул Пиккис и схватился за сердце.

На последних секундах сохранения рассудка Томас вскинул руки, захлопнув в клетку всех свидетелей, и потерялся.

Эдворла Пиккиса скрутило, как тряпку, раздуло местами и разорвало, разметав ошметки по стенам и одежде, лицам, волосам присутствующих. Тело Томаса растаяло, обратившись серо-синей дымкой бурового неба и гнилостного тумана.

Крики, визг и грохот падающих на колени, прячущихся за мебелью и информационными стойками людей. Снаружи ломались внутрь гвардейцы, вооружившиеся после услышанных криков.

Дымка сгушалась. Формализовалось человекоподобное существо с гнутыми, как у кузнечика, задними лапами и длинными, тонкими передними со страусовую шею. Лохматые кудри свисали с головы чудовища, зрившего сросшимися в один яркосиними глазами-блюдцами с половину лица во весь лоб. Волчья пасть разверзлась, как бездна, показав три раздвоенных языка и четыре ряда зубов «заборчиком».

Чудовище не по-волчьи завывало: толи рычало, толи стонало, как от боли или отчаяния. Оно уткнулось мордой в паркет и по-кошачьи процарапывало восемью когтями на правой лапе разрывы. Один раз. Второй. Третий. Четвертый.

Отлетевший к стульям для посетителей смартфон запел заунывным голосом Эльзы Вайноц. Оно подняло морду и повернуло ее в сторону звука. Девушка в ужасе оттолкнула смартфон подальше от себя. Чудовище, будто хромоте, поднялось и проковыляло к разрывающемуся от звонков смартфону.

«Звонит Скарлетт су О'Нейр».

Глава 14

Чудовище ударило лапой по смартфону, когтем пригвоздив его к полу. Затем оно, вытащив коготь, легло рядом и всеми тремя языками зализывало «рану», будто жалело, извинялось. У монстра рос длинный и гладкий, как у ящерицы, хвост.

Снаружи ломались гвардейцы, а пленники старались не издавать ни звука, не привлекать внимание. Пока один мужчина не попытался открыть дверь — его энергетической волной отбросило в центр помещения, к чудовищу.

Оно подняло голову на минуту и вновь уткнуло нос в паркет. Кровь с тела Пиккиса разлилась по полу и хранила восьмипалые отпечатки лап невиданного зверя. Оно стонало над уничтоженным смартфоном, как над величайшей ценностью, и постепенно размывались очертания монструозного тела.

Над смартфоном поднялась похожая на человеческую рука с восемью пальцами. Воздух между ними заискрился, смартфон воспарил, постепенно восстанавливаясь в обратном разрушению порядке, и лег в руку с шестью пальцами. Вскоре и последний «лишний» палец исчез.

Хвостатый герцог, не обращая внимание на притихших от страха пленников его ловушки, сел на пол. Его сшитый на заказ костюм висел лохмотьями и промок в крови, как испачканный в ней же подбородок. Герцог утер лицо рукавом и крутанул смартфон в пальцах.

Она звонила ему два раза, но голосовых сообщений не оставляла ни на сервере оператора связи, ни в «Мадженике». Томас сидел, не зная что думать. Чего же она хотела от него, кроме денег?

Если нужны деньги, то будь покорной и под ногами не мешайся. А тут... за первое утро, добрачное и без официальной помолвки. Что же она творит?

Позвонить Томас не решился: если кто-нибудь из пленников крикнет, то уничтожить свидетелей стихийного всплеска магии будет гораздо сложнее. Охват больше — сил тратится пропорционально. Герцог отправил в смс «Потом поговорим» и выключил смартфон.

Сегодня никакой работы: как вернется домой, заново перелопатит библиотеку. За годы практики он научился многому, стал могущественнее. Вдруг магия сейчас откликнется на его зов и поможет найти мать? Она не могла пропасть в никуда. Другой возможности поисков больше не было. Если тебе что-то нужно — сделай это сам. Рассчитывать на государство не приходится.

Качаясь, Томас встал на ноги и, убрав выключенный смартфон в карман, раскинул руки в стороны. Кровь Пиккиса под силой его воли текла, образуя затейливый геометрический рисунок. Печать Брахама годилась только для локального обращения времени. Ее маленькие копии скопированы на обе ладони и закреплены в насильно измененных хиромантических линиях.

Все вокруг закрутилось, завертелось. Время отматывало свой ход назад. Томас с ужасом смотрел на проекцию себя — на того монстра, в которого он превратился. Никогда ранее он не сталкивался ни с чем подобным. Ему приходилось читать об оборотнях, но чтобы самому обрести плоть и кровь настоящего демона... никогда. Томас даже опознать эту сущность не смог. Кто-то из низших, вероятно.

Покачнувшись, Томас остановил ход времени, когда за окном затухла утренняя заря и погрузила столицу во тьму. В печати Брахама начал проступать второй рисунок — телепортационный. Сделав шаг в его центр, Томас исчез. Остались неизменными только ошметки тела Эдворла Пиккиса. Смерть — это единственное, что нельзя вернуть, повернув время вспять.

Портал вывел на одну из тихих столичных улочек, недалеко от коттеджного комплекса, где он купил дом лет шесть назад, когда вернулся из Лагрии. Оставаться в одном доме с новой женой отца, которая Томасу в младшие сестры годится, было опасно для жизни. Сколько ему лет тогда было? Двадцать, кажется. И ей то ли девятнадцать, то ли восемнадцать.

Домой возвращаться нельзя: Скарлетт умом тронется, если увидит, что его вдруг стало двое. Так уже было, и вторую шизофреничку в женах он не потерпит. Гулять по округе и следить, чтобы ни случайный прохожий, ни камера видеонаблюдения не засекали в маргинальном внешнем виде и в крови. Добрые люди всегда найдутся: и сфотографируют, и в интернете запостят, и придумают историю «о богатом маньяке». Только намеки!

— Я ведь могу ее остановить... — под нос пробормотал Томас, остановившись. — Тогда Молния выживет, и штраф не придется платить. Нет, Молния уже не выживет. После «Фейрана»-то... только на металлолом сгодится.

Часы показывали семь утра шестнадцать минут. То есть столкновение на центральной площади произошло четыре минуты назад.

Девять миллионов. Пиккис обманом выкрал девять миллионов пенсов. Томас вытащил из кармана смартфон, вспомнил про запрет на включение, чтобы в системе не отразилось два одинаковых идентификатора, и положил обратно.

«Деньги нужно вернуть».

Мошенничество в особо крупных размерах начиналось от пяти миллионов и каралось смертной казнью преступника и его соучастников. К ним причислялись даже те растратчики, которые не знали об источнике дохода и его нелегальности. Жесткие законы и тотальный контроль их исполнения спасли Маджению от участи разрывающейся в гражданских войнах Лагрии.

В гаражном городке камеры видеонаблюдения стояли только у налоговой кассы и всегда работали с перебоями. Томас небольшим импульсом вывел следящую систему из строя и незамеченным прошел мимо. В гараже хранилась запасная одежда, а также был устроен схрон. Некоторые ритуалы проводились там из опасений, что защита дома будет нарушена. Если бы не эти объективные опасения, герцог мог бы направить портал на третий этаж, а не на тихую улочку.

Теплый гараж габаритами шесть на восемь метров с мансардой удовлетворял все нужды: как автомобильные, так и практические. Включив свет, Томас запер за собой узкую дверь. На мансарде помимо колдовских вещей имелся холодильник, кофемашина и микроволновая печь.

Самое то, чтобы в тишине и уюте подумать, что делать с семейством Пиккисов, потом отмотать время назад снова и покончить с ними.

А деньги... деньги пусть возвращают из государственных фондов. С его-то связями доказать кражу средств, даже выдуманную, очень просто.

Шум мегаполиса, ставший за годы учебы в университете родным, вселял уверенность в «завтрашнем» дне. Уж Карли, оббегавшая всю столицу во время стажировки, знала этот город как принципы и последовательность правильного нанесения шеллака и создания дизайна на его основе. То есть, досконально — хоть в четыре утра разбуди. Опытным путем доказано, что в полпятого при заболевшем тренере красить ногти — лучшее занятие!

До Бизнес-Центра ехать пришлось на такси, а ожидание в пробках раскрасило персиковое мороженое. Теплое, жаркое лето и радовало, и злило одновременно. Сейчас бы на курорт! На пляж! К морю или в бассейн! Куда угодно, только не в душный салон автомобиля в пробке, когда проветриться не давало даже открытое окно.

Бассейн, кстати, к вечеру должен быть чист.

Гаденько усмехнувшись, Карли подумала, что ее розыгрыш был излишне жестоким. А проняло бы герцога, если бы она обращалась с ним помягче? Девушка сомневалась, что он понял свою главную ошибку, но и держать их отношения в напряжении больше не могла. Если мужчина не позвонил первым, значит мужчина — и не мужчина вовсе. Придется учить и строить. Весь дом на женщине!

Карли позвонила дважды, и оба раза герцог не соизволил принять вызов. Звонить в третий раз и выставлять себя липучкой она не стала, ограничившись набором смс, но входящее сообщение пришло раньше. Следовало понимать, что герцог мог быть занят по работе, а она со своими звонками мешала только.

Бизнес-Центр имел сто сорок два этажа, верхнюю половину которых занимала компания «Бурса», контролирующая все основные информационные потоки страны. Ее дочернее предприятие «Колведор» владело главным национальным новостным порталом, где проходила практика Карли. Именно в «Колведор» она планировала устроиться на работу.

На проходной Карли подставила пригласительный на смартфоне к считывателю и прошла внутрь. В «Бурсе» всегда людно, как нигде во всей Маджениии. Лифта до семьдесят второго этажа пришлось ждать больше десяти минут, но по непонятной причине все посетители разошлись к другим лифтам, а у этого осталось только двое: она и незнакомый мужчина. Высокий, загорелый, постоянный клиент фитнес-центра был похож на смутьяна. Он надел на себя только белую майку, джинсовые бриджи до колена и солнцезащитные очки-авиаторы. Такое наглое попираание делового стиля несколько смутило Карли. «А он понимает, куда пришел? Мальчик случаем адресом не ошибся?» Мужчина с ухмылкой вошел в лифт следом за Карли и нагло спросил:

— Какой этаж?

— Семьдесят третий, — ответила она спокойно и поправила шарфик, показательно не замечая сию аномальность.

— Скарлетт су О'Нейр. Соискатель? — спросил парень и сложил руки под грудью; его мускулистые руки так и «кричали» посмотри на нас! Потрогай! Карли немного удивилась, но не более того. Хорошо, что в «Бурсе» ее все еще помнили. — Биас Травар, главный редактор «Колведора».

Карли скосила взгляд, но даже поворачиваться к нему не стала. Лифт как раз полз между сороковым и сорок первым этажом. Травар ждал ответной реакции, и с каждой последующей секундой его улыбка меркла и превращалась в грубую серьезность.

— Ты чего от меня ждешь? — нахально спросила Карли. — Complimenta? Хорошо. Классная пряжка на ремне.

Массивная железная пряжка выпирала не так сильно, в отличие от ширинки на бриджах.

— Ты не меняешься, — усмехнулся Биас и прильнул спиной к стенке просторного лифта. — Признайся, пока не представился, ты не узнала меня.

— Конечно не признала. Такой «пельмень».

Биас засмеялся. Со Скарлетт су О'Нейр они учились в одной школе; отец-профессор работал учителем биологии и смог пристроить единственного сына в элитное учебное заведение. Более того, они со Скарлетт учились в одном классе с самого первого года обучения.

Травар не мог не заметить, что с двенадцатого класса, за шесть лет разлуки, она ни капли не изменилась. Все такая же эгоистичная зараза, для которой важны только собственная значимость, материальная безопасность и бесконечные развлечения.

Она не менялась, в отличие от него. Он уже давно не шупленький подросток, которого шпыняют все, кому не лень. Он сам кого угодно нашпыняет. Биас отлепился от стенки и нажал сначала кнопку отмены, а затем кнопку сто сорок первого этажа на приборной панели.

— Поговорим в моем кабинете, — сообщил он несколько холодно, от обиды растеряв задор. — Дружба дружбой, а бизнес — это деньги. Если не справишься с проверочным заданием, работу будешь искать в другом месте.

— У меня есть опыт работы, — заявляет Карли уверенно и, наконец, поворачивается к мужчине. — А вот насчет должности главреда я не уверена. В двадцать два прыгнуть так высоко? Смотри... потом будет больно падать.

— Ты смотри... так разговаривать с непосредственным начальником, который вот-вот должен на работу принять. Не будет ли логичным вести себя повежливей?

— Повежливей, в смысле, пятки целовать? — Карли только бровью повела, ничем не высказав сомнения в своих действиях.

Травар прав: такой уровень обращения между начальником и подчиненным недопустим. Но, даже если Травара действительно посадили в Большое Кресло, слишком много тайн связывало их в прошлом. И эти тайны не отпустили Карли по сей день. Так почему же она подумала, что Травар освободился от их гнета? Потому что сдался с самого начала?

Дверцы лифта раскрылись, выпуская пассажиров. Камера видеонаблюдения на прощание мигнула единственным «глазом». На сто сорок первом этаже располагались офисы исключительно начальников различных дочерних предприятий «Бурсы» и конференц-залы. Здесь также имелась собственная проходная, через которую не пройти без особого допуска.

Травар приложил карточку-пропуск, пикнул затвор, и «карусель» во весь человеческий рост пропустила и его, и Карли. Девушка не допустила слабости и без лишних эмоций последовала за будущим начальником. Видать, права была: худосочный лузер-заучка, как и предсказывала, быстро стал Большим Начальником-красавчиком.

Панорамное окно в его кабинете открывало вид на половину столицы, и казалось, будто ты играешь в гигантскую экономическую стратегию. Наверное, для многих, имеющих кабинеты на сто сорок первом и сто сорок втором этажах, так оно и было.

— Тори, чаю пожалуйста для меня и леди су О'Нейр, — нажав кнопку селектора, приказал Травар и не стал дожидаться ответа. — Присаживайся.

В остальном кабинет не отличался от тех, что показывают в сериалах. Видно, что нынешний хозяин получил его только-только и не успел обустроить. Полки на книжных стеллажах все еще полупустые (лимитированные издания классических авторов внешне добавляют поинтов их владельцу), три связанных экрана в единый плоский моноблок лежат на столе, не украшенном ни кактусом, ни электронной фоторамкой.

— О каком проверочном задании идет речь? — спрашивает Карли, как только присаживается и кладет руки на колени ладонями вниз. — Статья? Расследование?

— Все гораздо проще, — Травар проводит пальцем по длине поверхности стола, активируя включение моноблока. Экраны выдвигаются вверх, становясь в перпендикулярное положение. — В танчики на главной площади ты утром играла?

— Было дело, — не отрицается Карли. — Какое отношение это имеет к делу? Предлагаешь написать автоинтервью?

Травар усмехается.

— Нет, конечно. В ГП тысяча сто четырнадцать произошло жестокое убийство. Сама знаешь, ни один журналист не проберется внутрь ГП без разрешения.

— В гвардейском пункте? Правда? Прямо внутри? — восклицает Карли и берет себя в руки. — Надо же. Это же кто такой смелый? Там все стены и потолки видеонаблюдением нашпигованы, как мини-бутерброды на шведском столе.

— В том-то и дело, по моим данным, убийцу не засекали камеры. Все, как одна, вдруг вышли из строя. Никто не знает ни имени убийцы, ни имени жертвы. Ни. Че. Го.

— То есть, не знают имени жертвы? — Карли подсаживается, из расслабленного положения напрягает спину и сцепляет кисти рук в замок. — В столице очень жестко следят за маргиналами. Разве нет? А как же уличное видеонаблюдение?

